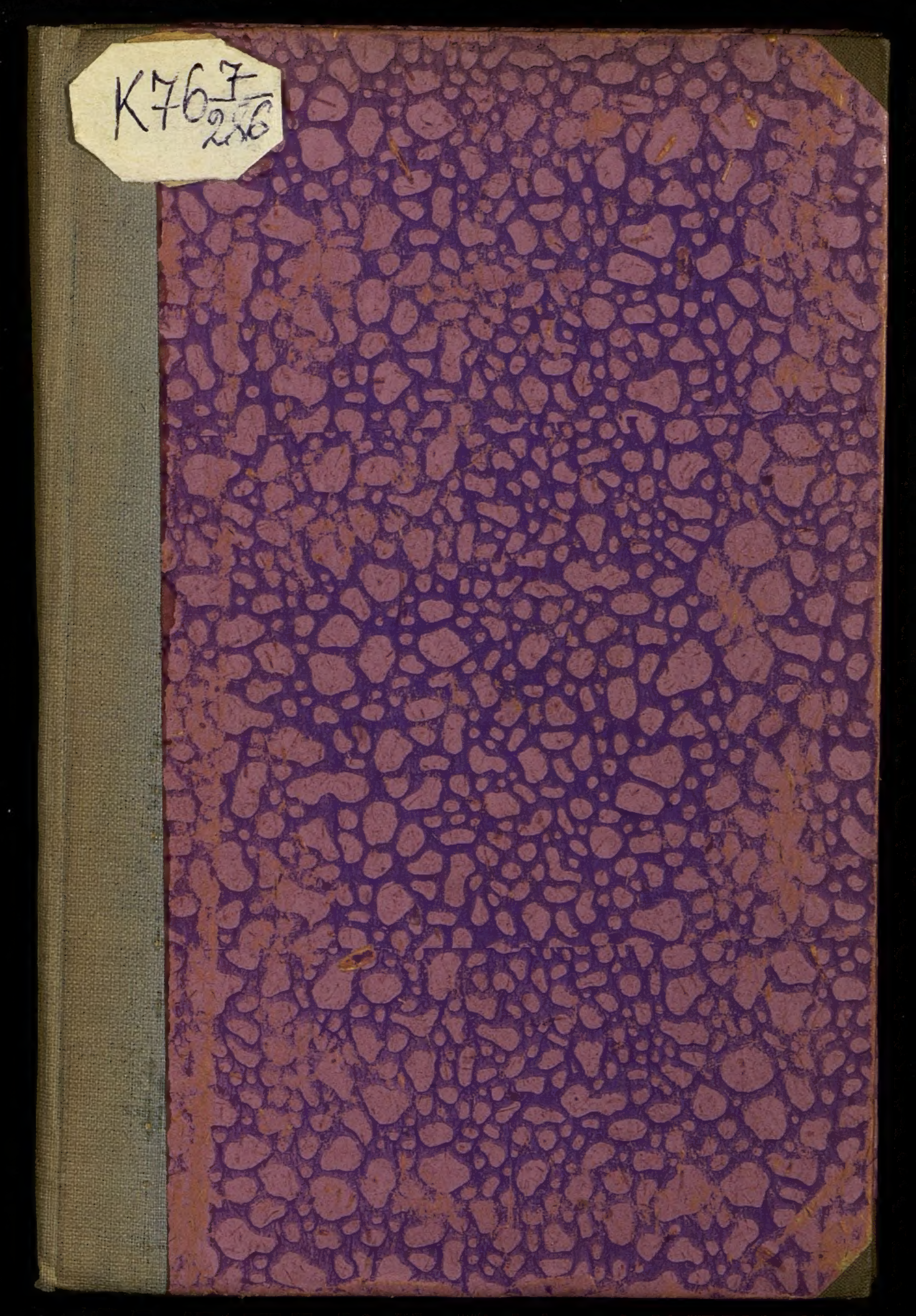
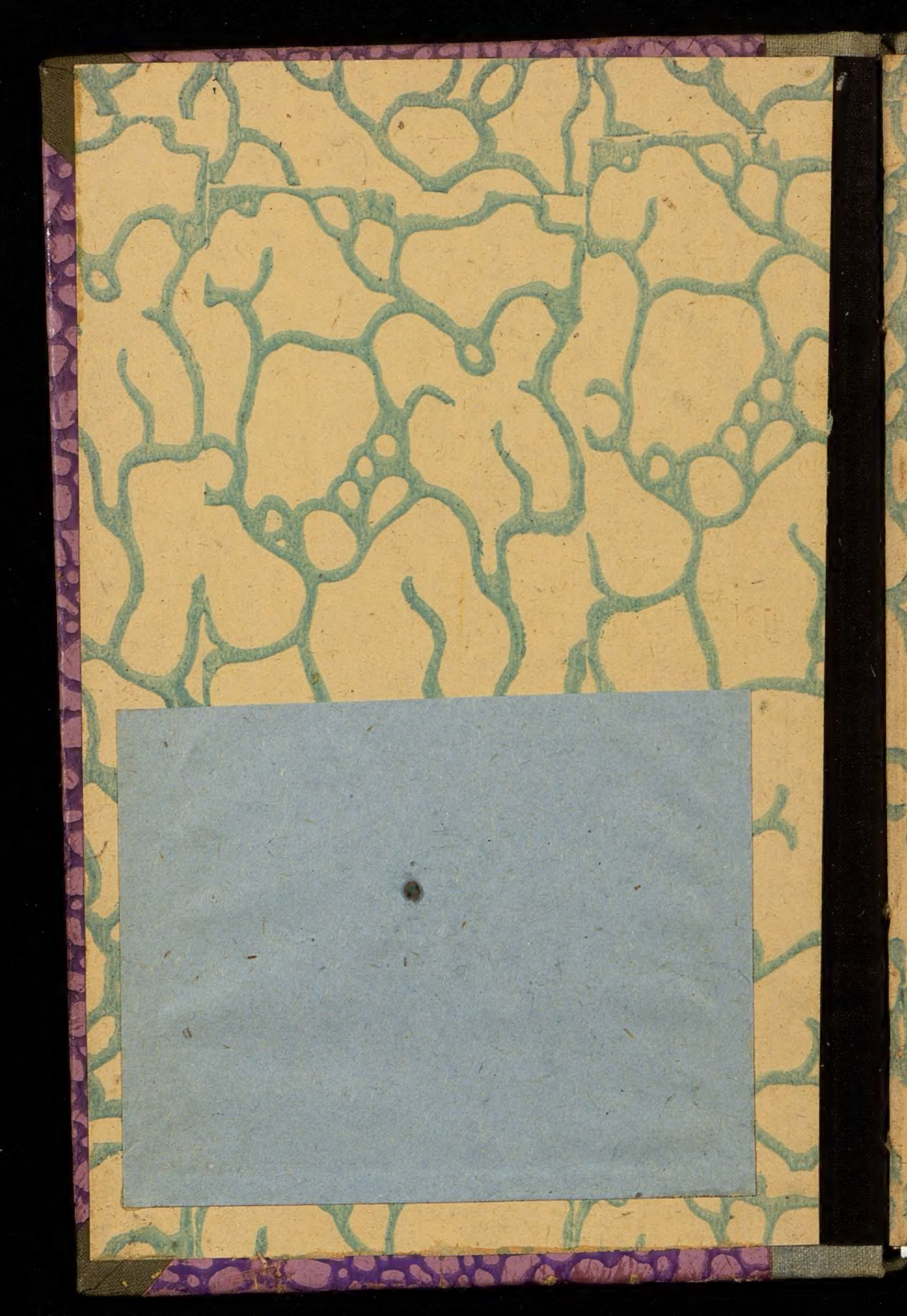
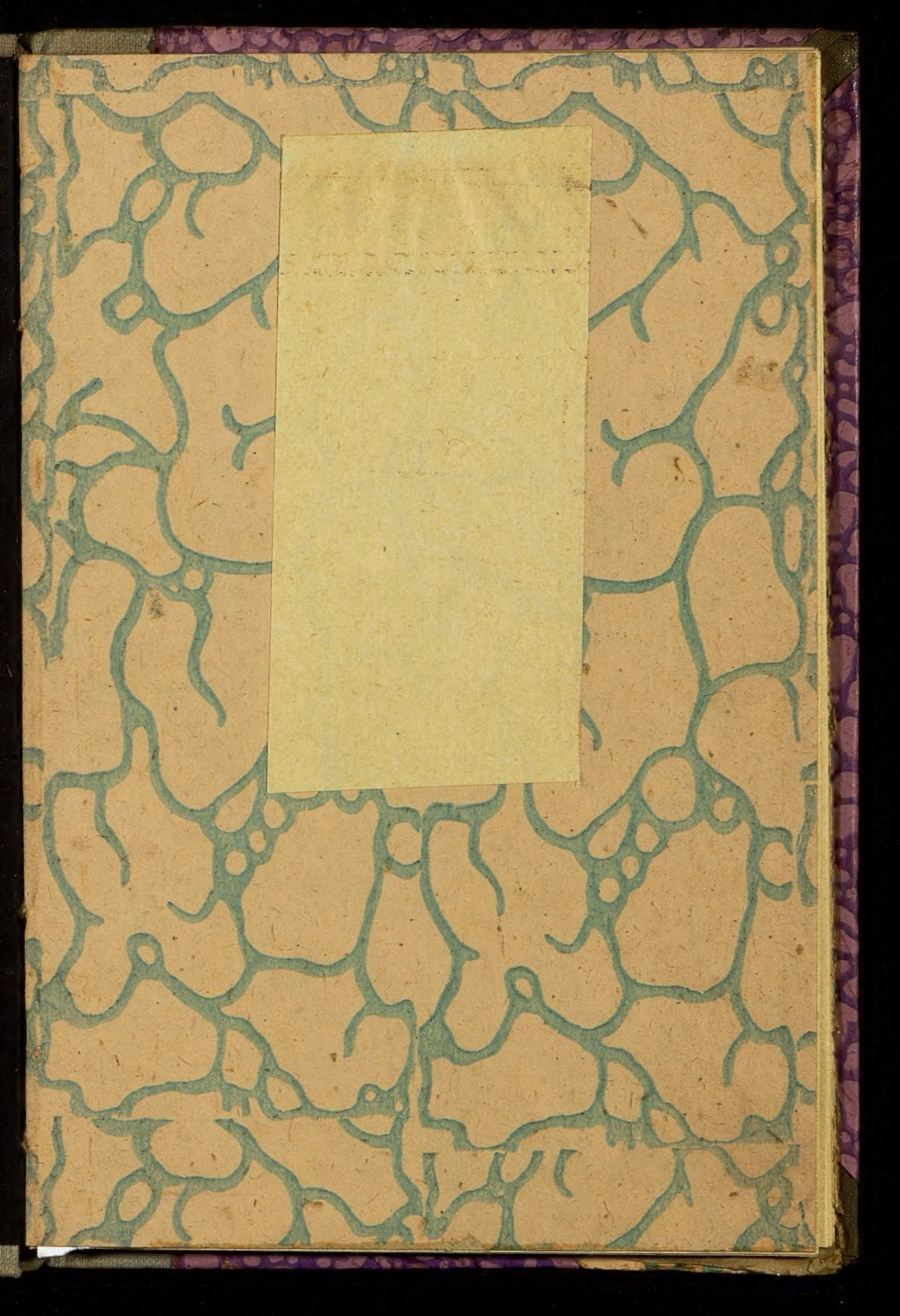

K76 7/2[illegible]6

А. Нѣмовъ.

Идея славянскаго возрожденія.

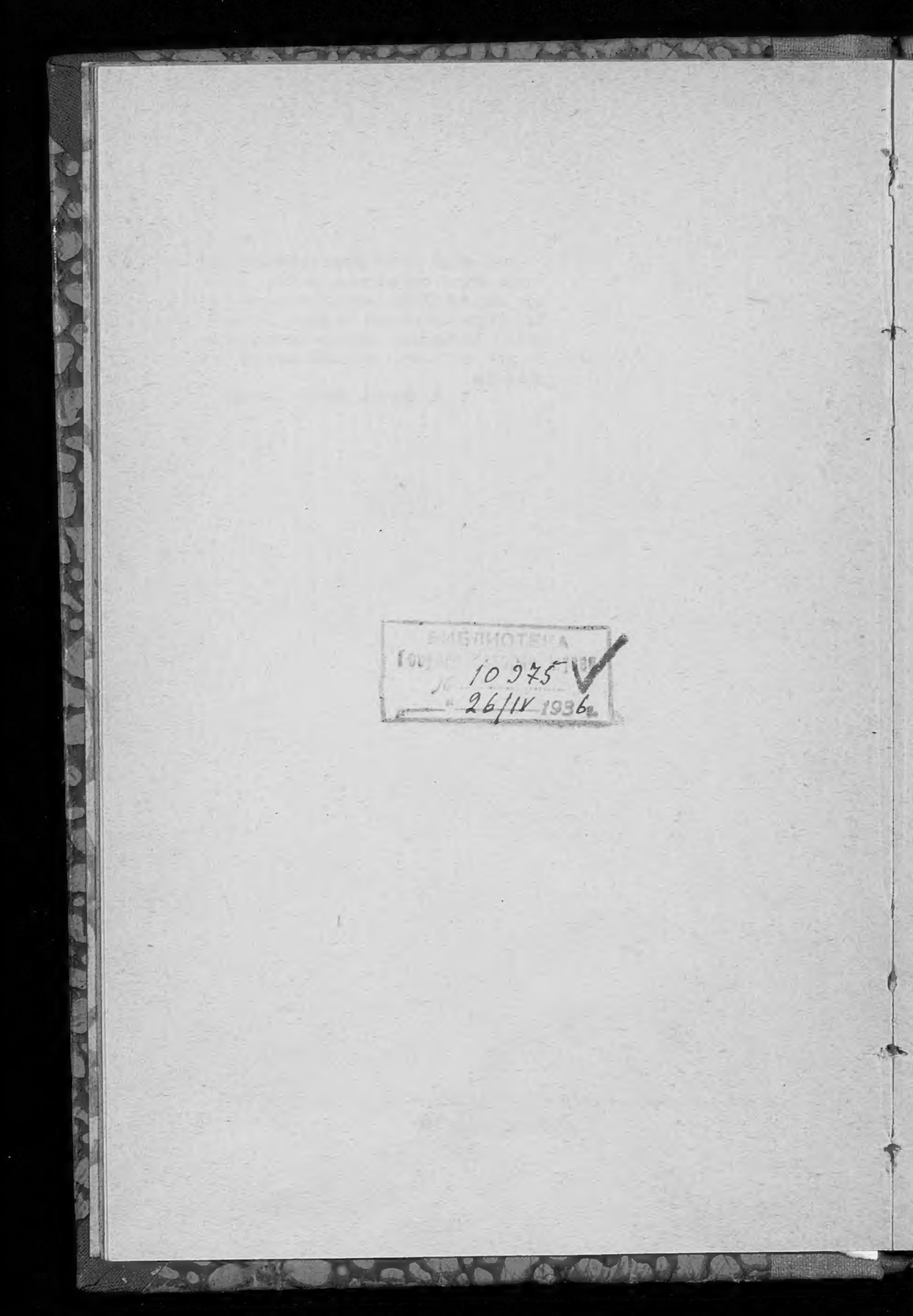
МОСКВА
1915.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Quae autem parum plana videbuntur aut minus plena, instructaque, petimus, ut ea non docendi magis quam admonendi gratia scripta existiment et quasi demonstratione vestigiorum contenti persequantur ea post, si libebit, vel libris repertis vel magistris.

A. Gellius. Noctes Atticae.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Для возникновенія всякаго общественнаго міросозерцанія, какъ и любой философской системы необходимы, вопервыхъ, извѣстный опытъ, а во-вторыхъ, идеи, его выражающія. Можно признавать самостоятельное значеніе того и другого начала. Можно полагать, что идеи возникаютъ не изъ опыта, а изъ глубинъ самосознанія, но даже крайняя раціоналистическая точка зрѣнія не въ состояніи всецѣло отрицать значеніе опыта.

Опытъ, если не даетъ чего-либо положительнаго, то все же ставитъ извѣстный вопросъ, который не есть чистое ничто. Поставить вопросъ иногда важнѣе, чѣмъ рѣшить его. Вопросъ опредѣляетъ то направленіе, въ которомъ развивается наша мысль. Опытъ поэтому всегда даже крайними раціоналистами будетъ признаваться за силу, направляющую наши изслѣдованія.

Я говорю это не въ цѣляхъ уясненія проблемъ чистой методологіи. Я хочу сказать, что въ настоящее время русская общественная мысль стоитъ передъ новымъ историческимъ опытомъ, и поэтому нуждается въ новыхъ идеяхъ и новыхъ понятіяхъ, могущихъ его осмыслить.

Событія, которымъ мы являемся свидѣтелями, имѣютъ глубокій историческій смыслъ; они означаютъ, во-первыхъ, извѣстный кризисъ обще-европейскій и, во-вторыхъ, совпадаютъ съ переломомъ въ русской жизни.

Кризисъ обще-европейскій состоитъ въ означающемся измѣненіи взаимнаго положенія странъ и народностей Европы. До сихъ поръ руководящими и главенствующи-

ми въ Европѣ являлись народы романскіе и германскіе. Славяне не имѣли самостоятельнаго значенія. Пути европейской политики опредѣлялись борьбой и соглашеніями между Франціей, Англіей и Германіей; если другіе народы втягивались въ ихъ политику, то не они являлись руководителями и вершителями судебъ.

Такъ, напримѣръ, Россія, начиная съ 18-го вѣка, принимаетъ участіе въ рядѣ войнъ между западно-европейскими державами: при Елисаветѣ Петровнѣ, Павлѣ I и Александрѣ I, но въ этихъ войнахъ Россія заинтересована не непосредственнно, а втянута въ нихъ той или другой комбинаціей политическихъ силъ. Поэтому результатами побѣдъ распоряжаемся не мы, а тѣ государства, съ которыми мы находимся въ союзѣ. Это наиболѣе очевидно на примѣрѣ войны съ Наполеономъ: хотя Франція въ началѣ 19-го вѣка была побѣждена собственно русскими, тѣмъ не менѣе миръ далъ гегемонію въ средней Европѣ Австріи, столько разъ битой и униженной. Когда же мы сами хотѣли взять въ свои руки гегемонію, Европа нанесла намъ пораженіе въ севастопольскую кампанію.

Такое отношеніе и такая зависимость продолжались до самаго послѣдняго времени. Можно утверждать, что союзъ франко-русскій былъ заключенъ въ томъ же смыслѣ, что и прежніе союзы западныхъ державъ съ нами. Соперничавшими государствами были, главнымъ образомъ, Германія и Франція. Если послѣ Берлинскаго конгресса обозначилось противорѣчіе между Россіей и Германіей, то оно не было такъ остро, во всякомъ случаѣ стояло не на первой очереди.

Въ дальнѣйшемъ возникла политическая рознь между Германіей и Англіей. Англія въ собственныхъ интересахъ примкнула къ франко-русскому союзу. Многіе политики думали, что европейская война, если ей суждено быть, возникнетъ между державами на почвѣ колоніальныхъ интересовъ.

Настоящая война спутала всѣ карты и всѣ расчеты. Война, собственно, ведется Германіей и Россіей, и притомъ война рѣшительная, можетъ быть, окончательная. И возникновеніе ея и причины—не столько въ стремле-

ніи Франціи къ реваншу и не въ возрастающемъ соперничествѣ Англіи, сколько вопросъ славянскій, выступившій такъ остро и внезапно при образованіи Балканскаго союза и послѣ Балканской войны. Настоящая война означаетъ столкновеніе между германствомъ и славянствомъ. Славянскіе народы, игравшіе дотолѣ пассивную и подчиненную роль, выступаютъ теперь на авансцену исторіи. Это должно повести за собой совершенно иную группировку державъ и совершенно измѣнить карту Европы. Трудно представить себѣ, что будетъ послѣ возстановленія Польши, созданія Великой Сербіи и изгнанія турокъ изъ Европы. Передъ этими народами встаютъ проблемы ихъ новой политической и культурной жизни.

II.

Гораздо значительнѣе для насъ кризисъ, не обще-европейскій, а нашъ, русскій. Онъ не связанъ непосредственно съ войной, развился и означился органически, въ зависимости отъ общихъ условій русской дѣйствительности. Война должна его только обострить и углубить. Русская жизнь вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Мы стоимъ на рубежѣ двухъ великихъ эпохъ нашей исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы постараемся исторически прослѣдить возникновеніе той исторической дѣйствительности, въ которой мы живемъ, зарожденіе основныхъ вопросовъ и основныхъ нашихъ направленій, то мы должны будемъ обратиться къ 17-му столѣтію, въ которомъ собственно и образовалась новая Россія. Послѣ великой разрухи смутнаго времени, въ которой чуть было не погибло государство, Россія должна была сдѣлать величайшія усилія, чтобы отстоять свое существованіе въ борьбѣ съ внѣшними врагами и собственной смутой. Всѣ силы страны были мобилизованы, какъ въ осажденномъ городѣ, всѣ ея наличные рессуры были приведены въ извѣстность (Писцовыя книги. Дѣятельность патріарха Филарета). Отдѣльные граждане дожны были отдаться почти всецѣло на службу государства, на удовлетвореніе его насущныхъ нуждъ и потребностей. Повинности въ поль-

зу государства были распредѣлены по категоріямъ: одни должны были служить государству, въ качествѣ военныхъ людей—люди служилые, другіе должны были нести свой трудъ и свои деньги въ его пользу—люди тяглые. Такъ были образованы сословія, и къ нимъ были прикрѣплены русскіе граждане. Крѣпостное право распространялось тогда на всѣхъ, на служилаго человѣка такъ же, какъ и на посадскаго и крестьянина. Личность человѣка была сполна отдана государству: каждый долженъ былъ нести свое „тягло“, иногда слишкомъ непосильное.

Послѣ успѣшной борьбы съ Польшей при Алексѣѣ Михайловичѣ и со шведами при Петрѣ Великомъ эта тягота начинаетъ спадать. Наступаетъ періодъ освобожденія сословій. Первымъ освобождается дворянство при Петрѣ III и Екатеринѣ II, послѣдними—крестьяне. Освобожденіе сословій ставитъ на очередь рядъ новыхъ вопросовъ. Прекратившаяся, благодаря закрѣпощенію, совмѣстная ихъ дѣятельность, столь значительная въ началѣ 17-го вѣка (земскіе сборы, земское самоуправленіе), должна была вновь возродиться. Отсюда непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ слѣдуютъ реформы: земская, городская, судебная. Вновь возрождается угасшая самодѣятельность обществъ, первоначально только на мѣстахъ, въ областномъ управленіи, и въ судахъ, ставшихъ безсословными. Въ 1905 году совершается и послѣдній шагъ, „увѣнчивающій зданіе“. Въ Государственной Думѣ общество призвано къ законодательной работѣ въ центрѣ.

Историческій кругъ какъ бы замыкается. Въ началѣ періода стоитъ согласная дѣятельность сословій, отказавшихся отъ своей распри и взаимнаго противорѣчія интересовъ для спасенія государства. Затѣмъ слѣдуетъ добровольное закрѣпощеніе (окончательно по Соборному уложенію 1649 г.). Потомъ наступаетъ эпоха освобожденія и, наконецъ, возобновленіе совмѣстной работы какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ.

Конечно, и для будущаго остается много задачъ, относящихся собственно къ прошлому и не разрѣшенныхъ настоящимъ. Многое остается сдѣлать русскому обще-

ству, оставаясь при прежнихъ направленіяхъ и при прежнихъ идеяхъ. Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать капитальнаго значенія событій 1905 года. Они означаютъ глубокую грань, проводятъ черту, заканчивающую въ главныхъ и существенныхъ чертахъ цѣлый историческій періодъ. И хотя общественная борьба ведется на тѣхъ же позиціяхъ, что и раньше, тѣмъ не менѣе, ясно означается и то новое, которое образуется и возникаетъ каждый день. Передъ нами собственно новый историческій опытъ.

Хотя старыя сословія продолжаютъ существовать, они теряютъ смыслъ и значеніе. Что собственно осталось отъ Жалованной грамоты дворянству, разъ существуютъ всесословная воинская повинность и всесословные суды, разъ нѣтъ болѣе крѣпостного права? Никакіе дворянскіе банки не могутъ измѣнить принципіальнаго стремленія къ уравненію. Хотя намъ еще далеко до полнаго установленія „правового строя", тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать того измѣненія въ общемъ правосознаніи, которое необходимо вытекаетъ изъ самаго факта существованія Государственной Думы.

Это отразилось и на самосознаніи и на идеологіи русскаго общества. Прежніе лозунги потеряли свою магическую силу. Послѣ 1905 года у насъ нѣтъ партіи, которая широко захватывала бы общество, была бы руководящей. Вмѣсто рѣзкаго дѣленія на два стана мы видимъ постепенный переходъ мелкихъ группъ, соединяющихъ крайнюю правую и крайнюю лѣвую. Почти замолкли страстные споры. Выдвигается мелкая, хотя, быть можетъ, и настоятельно нужная работа, частные вопросы въ частной сферѣ.

Но, конечно, такъ не должно оставаться. Новый историческій опытъ требуетъ и новой идеологіи, которой мы почти лишились за послѣдніе годы. Если при рѣшеніи частныхъ вопросовъ мы можемъ оставаться при прежнемъ общественномъ міросозерцаніи, то отсюда не слѣдуетъ, что не нужно вообще общихъ и принципіальныхъ точекъ зрѣнія и универсальныхъ идей, освѣщающихъ путь будущаго и направляющихъ силы.

Война своимъ мощнымъ движеніемъ необходимо долж-

на содѣйствовать пробужденію дремлющихъ силъ общества. То новое, что едва обозначилось въ настоящее время, въ будущемъ выступитъ яснѣе и свободнѣе при ея окончаніи. Мы стоимъ передъ новымъ періодомъ русскаго самосознанія. Нашей очередной задачей поэтому должно быть выясненіе тѣхъ принциповъ, которые мы наслѣдовали, и осознаніе культурной традиціи, внѣ которой, какъ кажется, нельзя строить ничего новаго.

Критика русской традиціи.

I.

Я говорю о русской традиціи, но возможно спросить: да существуетъ ли подобная? Не является ли болѣе характернымъ отсутствіе у насъ культурной традиціи, чѣмъ ея наличность? Развѣ наши направленія не мѣняются чуть ли не съ каждымъ десятилѣтіемъ? Развѣ не возможно возникновеніе у насъ любого идейнаго движенія?

Мнѣ кажется, подобные вопросы и сомнѣнія справедливо указываютъ на исчезновеніе въ настоящее время русской культурной традиціи, но несправедливы въ своемъ отрицаніи ея существованія вообще. Такая традиція у насъ, безспорно, есть. За смѣной всевозможныхъ партій, за исчезновеніемъ и возникновеніемъ направленій можно открыть два главные лагеря, которые остаются почти неизмѣнными вотъ уже въ теченіе трехъ столѣтій. Это—славянофилы и западники. Эти термины не нужно понимать узко, въ смыслѣ двухъ враждебныхъ партій 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ ихъ специфическихъ чертахъ. Я подразумѣваю подъ ними не столько двѣ различныя программы, сколько два основныхъ устремленія воли, два психическихъ типа, на которые раздѣляется русское общество. Одни видятъ спасеніе Россіи въ заимствованіи съ Запада, другіе—въ развитіи „самобытнаго начала“. Пускай и то, что слѣдуетъ заимствовать съ Запада, и то, что должно сохранить изъ русскаго, понималось совершенно различно—не это важно—остается все же нѣкая особая оцѣнка и нѣкое особое устремленіе, по которому легко можно отнести любое

русское идейное теченіе къ тому или другому основному направленію.

Славянофильство и западничество, понимаемыя въ такомъ широкомъ значеніи, суть двѣ противоположныя формы русскаго самосознанія, возникшія въ томъ же 17-мъ вѣкѣ, въ которомъ возникла и новая Россія; именно тогда зародилась стихійная, часто слѣпая борьба между стариной и новшествами, борьба жестокая и упорная, затихающая только въ настоящее время. Здѣсь корень русскаго раскола, реформъ Петра, литературныхъ споровъ Карамзина съ Шишковымъ, вплоть до полемики между Михайловскимъ и Плехановымъ.

Если въ настоящее время эта традиція становится бездѣйственной, то это обозначаетъ, что мы стоимъ, какъ я сказалъ, на рубежѣ той эпохи, въ которой она возникла и въ теченіе которой она была вліятельна.

II.

Западничество до сихъ поръ было главной прогрессивной силой русской жизни. Оно торжествовало, несмотря на критику противниковъ, во многомъ справедливую. Русская культура, благодаря своей примитивности и отсталости, постоянно требовала заимствованій изъ-за границы, и до сихъ поръ мы во многомъ должны остаться учениками. Западная жизнь, по сравненію съ русской, легка и пріятна, она не знаетъ тѣхъ удивительныхъ, нелѣпыхъ и губительныхъ преградъ для всякаго свободнаго начинанія, каковыми изобилуетъ русская дѣйствительность и русскій свирѣпый бытъ.

Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что западничество въ настоящее время изжило само себя. Оно становится по существу невозможнымъ. Сама западно-европейская культура переживаетъ значительный кризисъ. Идеологія Запада обѣднѣла и оскудѣла. На Западѣ совершается нѣкое помраченіе кумировъ. Мы тщетно стали бы искать тамъ какихъ-либо положительныхъ идеаловъ. Современное сознаніе Европы далеко отъ того жизнеутвержденія, созиданія и увѣренности, которыя можно констатировать въ 18-мъ вѣкѣ и въ началѣ 19-го. Нѣтъ тѣхъ

широкихъ обобщеній, окрыляющихъ душу надеждами, глубокихъ и мощныхъ, которыя были въ эпоху Просвѣщенія и въ вѣкъ нѣмецкой романтики, у Шеллинга и Гегеля. На Западѣ въ настоящее время нѣтъ учителей, есть талантливые ученые, люди широкаго образованія, всевозможные спеціалисты, аналитики и историки, но нѣтъ дѣйствительныхъ синтетиковъ, пророковъ и вождей.

Наивно было думать, что современное сознаніе можетъ удовлетвориться такими явно односторонними, несовершенными и мелкими построеніями философской мысли, какъ ученія Бергсона, прагматистовъ или неокантіанцевъ. Ихъ идеи цѣнны скорѣе своими отрицательными сторонами, своей критикой, чѣмъ положительными, тѣмъ, что они утверждаютъ.

Знаменательнѣе всего, что не только философское сознаніе находится въ ущербѣ, но меркнутъ общественные идеалы. Было бы, напримѣръ, весьма любопытно пересмотрѣть, что осталось положительнаго отъ той программы прогрессивной демократіи, которая была формулирована въ эпоху французской революціи. Не измѣнился ли самый смыслъ понятій, требованій, идеаловъ? Въ какомъ смыслѣ, напримѣръ, говорится о „свободѣ"? Мнѣ кажется, можно показать, что это понятіе значительно измѣнилось. Въ 18-мъ вѣкѣ свобода мыслилась, какъ положительное состояніе, въ настоящемъ это чисто отрицательное понятіе, т.-е, нынѣ подъ свободой понимается отсутствіе угнетенія, отсутствіе насилія. Но вѣдь нужно помнить, что устраненіе несовершенствъ не есть еще созданіе чего-либо положительнаго. Такъ, напримѣръ, выздоровленіе не означаетъ непремѣнно обрѣтеніе новой жизни. Можно выздоровѣть отъ тяжкой болѣзни, но лишь за тѣмъ, чтобы послѣ покончить самоубійствомъ отъ сознанія пустоты собственнаго духа и окружающей дѣйствительности.

Этотъ примѣръ можно нѣсколько расширить. Дѣйствительно, западно-европейское общество сознаетъ себя трудно больнымъ и ждетъ своего исцѣленія отъ самыхъ широкихъ соціальныхъ роформъ, долженствующихъ устранить несовершенство настоящаго. При этомъ можно, ко-

нечно, надѣяться, что въ будущемъ все будетъ хорошо, что человѣческій духъ обрѣтетъ нѣкія положительныя цѣли и идеалы. Но это—только надежды. Въ настоящее время на Западѣ нѣтъ положительныхъ идеаловъ, во имя которыхъ можно было бы бороться и жить.

Вотъ почему мнѣ кажется, что западничество въ настоящее время невозможно, какъ міросозерцаніе. Отъ Запада въ настоящее время нечего заимствовать положительнаго, и, дѣйствительно, западники послѣдней формаціи заимствовали у Запада разрушительное и болѣзненное, пессимизмъ, декадентство, футуризмъ. Всѣ эти теченія могутъ стать на мгновеніе модными, завлечь небольшую кучку людей, но едва ли можно разумно думать, что вся Россія офуторѣетъ,—объ этомъ даже не мечтаютъ сами футуристы.

Западничество въ настоящее время возможно не какъ общее міросозерцаніе, а лишь въ узкомъ и техническомъ смыслѣ этого слова. И теперь и позже русскіе общественные дѣятели и техники будутъ посѣщать западные города, фабрики и заводы, знакомиться съ устройствомъ кооперативныхъ товариществъ и канализаціи и т. д., т.-е. русскіе еще долго будутъ пользоваться опытами болѣе зрѣлой и болѣе мощной культуры Запада, но всѣ эти вопросы частные и спеціальные, они не могутъ замѣнить болѣе общихъ, болѣе отвлеченныхъ, быть можетъ, но тѣмъ не менѣе гораздо болѣе нужныхъ, чѣмъ послѣдніе,—вопросовъ о цѣляхъ и идеалахъ. На эти вопросы и западо-европейская мысль въ настояще время не даетъ отвѣта.

III.

Гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ западничество, можетъ оказаться славянофильство. Можно даже утверждать, что мы присутствуемъ при его возрожденіи. Различныя формулы, окончательно сданныя въ архивъ, какъ казалось столь недавно, возобновляются, получаютъ новую жизнь и значеніе.

Отчасти славянофилы правы. Дѣло въ томъ, что столь недавно въ русскомъ обществѣ былъ распространенъ весьма печальный пессимизмъ по отношенію къ русской

дѣйствительности. Чувствовалось въ нѣкоторыхъ признаніяхъ какое-то болѣзненное „самооплеваніе“ или безповоротная, глухая безнадежность. Если въ 70-хъ годахъ стремились идеализировать русскую деревню, то теперь стремились ее унизить. Въ литературѣ это наиболѣе ярко сказалось въ „Мужикахъ“ Чехова, по слѣдамъ котораго шли его преемники. Апогей отрицательнаго отношенія къ русскому крестьянскому быту являетъ собой „Деревня“ Бунина. Этотъ писатель достигаетъ въ этомъ произведеніи послѣднихъ степеней безнадежнаго отрицанія. Но не только бытъ крестьянскій рисовался такими красками. Во многомъ успѣхъ гр. А. Н. Толстого можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ изображаетъ почти исключительно анекдотическихъ уродовъ и идіотовъ. Русская жизнь и русскій бытъ отражались въ русской литературѣ въ весьма печальныхъ образахъ.

Теперь русское общество встрѣтилось съ русскимъ народомъ совершенно иначе. Приглядѣвшись къ русскимъ солдатамъ, увидѣли, что эти люди обладаютъ удивительной моральной стойкостью, выдержкой, что въ ихъ душахъ свѣтъ и крѣпость, что это люди, по истинѣ, съ устоями и твердостью. Русскій народъ предсталъ въ новомъ прекрасномъ свѣтѣ. Поэтому пора пессимизма и самооплеванія, кажется, кончилась навсегда. Славянофилы въ этомъ оказались правыми,—въ русскомъ народѣ таятся еще не сознанныя черты высокаго духа.

Но въ остальномъ едва ли они будутъ имѣть успѣхъ, по крайней мѣрѣ, если они и впредь будутъ поступать такъ же, какъ и раньше, т.-е. если славянофильская теорія не измѣнитъ своихъ основъ,—словомъ, если славянофилы не перестанутъ быть славянофилами.

Противъ теоріи славянофиловъ обычно возражаютъ, что ихъ принципы столь метафизичны и мистичны, что съ трудомъ могутъ служить исходнымъ пунктомъ для реальной жизни и практики. Во всякомъ случаѣ, они нуждаются въ спеціальномъ обоснованіи, безъ котораго они являются произвольными, висятъ въ воздухѣ.

Мнѣ кажется, что основной недостатокъ этой теоріи не въ этомъ, а въ роковомъ противорѣчіи, заложенномъ въ самой основѣ. Это противорѣчіе заключено въ понятіи

„народность“, которая стоитъ во главѣ угла славянофильскаго ученія.

Славянофилы смѣшиваютъ два совершенно различныя понятія: народность, какъ фактъ, и народность, какъ идея. Отсюда неизбѣжный характеръ ретроградности этой, по существу прогрессивной, теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если понимать народность, какъ данную конкретно наличность,—необходимо признавать цѣнность и значеніе всего сложившагося исторически, безсознательно и стихійно, всѣ формы непосредственной жизни народа: его бытъ, его укладъ будутъ оправдываться и приниматься, какъ неподлежащіе отмѣнѣ. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого пониманія будетъ свирѣпый консерватизмъ, можетъ быть, очень идейный, но, во всякомъ случаѣ, нежелательный. Случайное и внѣшнее возводятся въ вѣчное и необходимое.

Нужно помнить, что факты временные подлежатъ возникновенію и исчезновенію, частная форма народной жизни не должна выдаваться за общее неизмѣнное начало, никакія проявленія народной воли не въ силахъ выразить, что есть самъ народъ.

Народность не есть фактъ, а и д е я, въ Платоновскомъ значеніи этого слова, т.-е. нѣчто, по существу не могущее быть воплощеннымъ ни въ какой эмпирической дѣйствительности,—идея стоитъ надъ ней, господствуя и направляя. Подобно тому, какъ мое *я* не можетъ быть выражено и исчерпано моими словами, жестами и поступками, а есть всегда нѣчто большее, болѣе глубокое и таинственное, тотъ огненный фокусъ, изъ котораго родятся всѣ его проявленія, также и „духъ народа“ не совпадаетъ съ тѣмъ, чѣмъ является народъ въ настоящее время. Всякій жизнеспособный народъ, помимо своего прошлаго и настоящаго, имѣетъ еще и будущее.

Можетъ быть, всѣ формы его исторической жизни ложны, всѣ его достиженія предварительны, и только завтрашній день несетъ освобожденіе. Можетъ быть, всѣ проявленія его общественной и духовной жизни подлежатъ измѣненію во имя новаго проявленія, болѣе истинно и полно выражающаго его основной характеръ, его и д е ю.

Поэтому нелѣпо въ угоду народности заправлять брюки

въ сапоги и стричься въ скобку. Лже-народнымъ искусствомъ является такъ называемый „русскій стиль“. Въ этомъ смыслѣ Пушкинъ гораздо болѣе народенъ, чѣмъ Кольцовъ, хотя онъ не слѣдовалъ формамъ народнаго стиха и творилъ свободно, шелъ, куда велъ его свободный геній. Но благодаря тому, что Пушкинъ былъ подлиннымъ геніемъ, продукты его свободнаго творчества въ то же время были глубоко народными.

Въ этомъ смыслѣ и Петръ Великій, котораго такъ не любятъ славянофилы, народенъ, хотя онъ порвалъ съ прошлымъ радикально и окончательно и начинаетъ собой новый періодъ русской исторіи. Разъ реформы Петра привились, разъ новая Россія восходитъ къ нему, живетъ въ понятіяхъ созданныхъ имъ, тѣмъ самымъ дано доказательство, что древняя Россія была лишь частной стороной проявленія русской народности, что для Россіи Петроградъ существенъ и необходимъ въ той же мѣрѣ, какъ и Москва.

Но если это такъ, то славянофильская теорія лишается своей опоры. Мы перестаемъ опираться на традицію, мы принуждены обратиться къ самостоятельному творчеству. Нельзя болѣе черпать изъ народной жизни, нельзя въ ней обрѣсти свои цѣнности, онѣ должны быть еще созданы, построены инымъ путемъ, оправданы не тѣмъ, что онѣ просто существуютъ въ наличности.

IV.

Предыдущія критическія замѣчанія не должны имѣть одинъ отрицательный смыслъ, они должны имѣть и положительное значеніе. Если мы, дѣйствительно, стоимъ передъ новымъ историческимъ опытомъ, если мы весьма условно и весьма слабо можемъ опираться на нашу культурную традицію, то необходимой является творческая работа для выработки новыхъ идеаловъ, оцѣнокъ и точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы могли бы оріентироваться среди хаоса стихійно развивающихся событій. Тотъ подъемъ и напряженіе, которые замѣчаются въ обществѣ въ настоящее время, не должны истощаться безрезультатно; волевое устремленіе, чтобы стать цѣлесообразнымъ, должно

освѣтиться свѣтомъ яснаго сознанія и разума. Поэтому необходима въ настоящее время напряженная интеллектуальная работа, критическая и созидательная въ одно и то же время. Должно пересмотрѣть нашъ идейный инвентарь, дать себѣ ясный отчетъ въ нашихъ утратахъ и пріобрѣтеніяхъ, постараться опредѣлить, что собственно мы исповѣдуемъ, во что вѣримъ, какой смыслъ и цѣнность имѣютъ наши идеи, что отъ нихъ можно ждать и чего нельзя.

Это—настоятельно нужная работа, потому что вѣдь ни для кого не тайна, что русская общественная мысль за послѣдніе годы значительно оскудѣла. У насъ нѣтъ цѣлостнаго общественнаго міросозерцанія. Русское самосознаніе находится въ стадіи ущерба. И въ этомъ виновато не одно русское общество, его косность и инертность. Виновата въ томъ и сама русская идеалогія или, вѣрнѣе, отсутствіе идеалогіи. Вѣдь нельзя снова и снова повторять: „великія идеи шестидесятыхъ годовъ", „русское освободительное движеніе" и т. д. Не должно забывать, что идеи не являются чѣмъ-то мертвымъ, какъ недвижимая собственность, которую можно получить по наслѣдству. Идеи существуютъ, лишь поскольку онѣ мыслятся, т.-е. сознательно утверждаются или отрицаются. Русское общество очень много говоритъ о своихъ идеяхъ, но очень мало ихъ мыслитъ, даже не стремится къ этому.

Извѣстный кругъ идей стараются изъять изъ среды критики и сомнѣнія, всегда разрушительныхъ и въ то же время созидательныхъ, стремятся охранить „завѣты", какъ нѣкій фетишъ, не подлежащій критикѣ, живому и преображающему усвоенію. Русская мысль отличается старовѣрчествомъ, свобода духа чужда русской прогрессивной интеллигенціи.

Передъ лицомъ новаго историческаго опыта былъ бы вреденъ и нецѣлесообразенъ подобный отказъ отъ творческой работы сознанія. Мы съ трудомъ можемъ установить, какія послѣдствія міровая война будетъ имѣть для культурной исторіи человѣчества. Но одно можно утверждать: она не пройдетъ безъ вліянія на идейное сознаніе. Намъ настоятельно необходимъ новый философскій синтезъ, отъ отсутствія котораго мы такъ страдаемъ. Мы

должны измѣниться сами и измѣнить образъ нашихъ мыслей.

Русская интеллигенція—странное и весьма неопредѣленное понятіе. Можно сказать, оно единственное. Ни въ какой другой странѣ не существуетъ чего-либо подобнаго. Это совершенно самобытный продуктъ нашей жизни.

Давали совершенно различныя опредѣленія интеллигенціи и различное указывали ей мѣсто среди другихъ классовъ общества. Наиболѣе, на мой взглядъ, вѣрное описаніе того, что такое интеллигентъ, даетъ Достоевскій въ своей Пушкинской рѣчи; онъ называетъ его „вѣчнымъ скитальцемъ". Вспомнимъ, что и Чаадаевъ говорилъ, что мы въ городахъ „кочевники". Мысль такихъ антиподовъ, какъ Достоевскій и Чаадаевъ, удивительно сходится и совпадаетъ.

Дѣйствительно, интеллигенція находилась и находится въ неустойчивомъ состояніи, она чувствуетъ центръ своей тяжести гдѣ-то внѣ себя. Русскіе интеллигенты страдаютъ странной болѣзнью: желаніемъ отречься отъ самихъ себя, перестать быть самими собой.

Гоголь сжигаетъ свои произведенія. Толстой убѣгаетъ изъ собственнаго дома, крадучись, куда-то ночью, при жизни еще отрекается отъ лучшихъ своихъ созданій.

Причина тому загадочна.

Обычно это странное „скитальчество" объясняли оторванностью интеллигенціи отъ народа. Интеллигенція задыхается въ ею же созданной пустынѣ, нигдѣ не чувствуетъ подъ собой почвы. Въ этомъ виновата реформа Петра Великаго.

По правдѣ сказать, трудно опредѣлить, въ чемъ состоитъ особливая оторванность русскаго интеллигента отъ народа. Если многія убѣжденія и вѣрованія интеллигента не совпадаютъ съ вѣрованіями народа, то это вполнѣ естественно, и удивляться тутъ нечему. Греческая интеллигенція была столь же отторгнута отъ народа. Передовые люди, сгруппированные вокругъ Перикла, не раздѣляли мнѣній матросовъ и носильщиковъ Пирейскихъ, тѣмъ не менѣе, едва ли можно предположить, что греческіе интеллигенты чувствовали себя „скитальцами", „кочевниками", сознавали свою отторгнутость отъ на-

родной жизни. Не только они, но и мы не можемъ признать этого. Греческое образованіе принадлежало весьма небольшой части греческаго народа, все же было плотью отъ его его плоти, костью отъ его кости. Оно было народнымъ и самодовлѣющимъ, цвѣтеніемъ и расцвѣтомъ духа греческаго народа. И такимъ сознавало себя.

Конечно, пресловутая отторгнутость отъ народа была гораздо ранѣе реформъ Петра Великаго. Серапіонъ или дѣятели Стоглава чувствовали столь же большую отторгнутость отъ народа, если не большую, потому что тогда дѣло шло не о противоположности христіанскаго Запада христіанскому Востоку, а о противоположности гораздо большей: христіанства и пережитковъ язычества. И все же есть нѣкая правда въ утвержденіи, что русская интеллигенція начинаетъ свою исторію собственно съ реформъ Петра Великаго, и это, конечно, не потому, что реформы Петра явились какимъ-то насильственнымъ переворотомъ, какимъ-то созданіемъ новой Россіи изъ ничего. Подобныя заблужденія достаточно разсѣяны и разъяснены историками; причина этого въ томъ сдвигѣ, который получила русская мысль со временъ Петра Великаго и характеръ самой реформы.

Русская интеллигенція вовсе не отторгнута отъ народа, это не было бы большимъ грѣхомъ,—она отторгнута отъ самой себя, она лишена автономіи, самозаконія своего, стремилась подчиниться началамъ, внѣ ея положеннымъ. И въ этомъ, дѣйствительно, виновата реформа Петра Великаго.

Извѣстно, какъ Петръ Великій проводилъ свои заимствованія съ Запада, на что онъ обращалъ наибольшее вниманіе во время своего заграничнаго путешествія, что хотѣлъ перенести въ Россію. На западную Европу Петръ смотрѣлъ, какъ на большую мастерскую или фабрику, вырабатывающую весьма многія полезныя приспособленія для жизни частной и государственной. Онъ стремился къ тому, чтобы и русскіе обзавелись техническими знаніями и усовершенствованіями, корабельными верфями, ружейными заводами, фабриками, чтобы и у насъ могли бы выдѣлываться тѣ же необходимыя для жизни орудія и машины. Въ то же время Петръ какъ-то совершенно упу-

стилъ изъ вида, что полезные результаты западно-европейской культуры невозможны безъ непрерывнаго и постояннаго горѣнія общей культуры, безъ борьбы и труда надъ началами, которыя сами по себѣ кажутся безполезными, но въ своихъ послѣдствіяхъ оказываются благодѣтельными и спасительными. Ни чистая мысль, ни чистое искусство, ни право, какъ таковое, и борьба за него интересовали Петра Великаго, а частныя приложенія и обнаруженія этихъ высокихъ началъ. Поэтому Петръ пересаживалъ иноземную культуру механически, совершенно не заботясь и не отдавая себѣ отчета въ необходимости той психической атмосферы, которая необходима для созрѣванія плодовъ культуры. Поэтому первые интеллигенты, первые преемники реформы, борцы за нее, сохранившие и укрѣпившие ее въ тяжкие годы реакціи, должны были обращаться къ Западу и были западниками.

Ихъ умъ былъ направленъ поневолѣ на подражаніе и заимствованіе научныхъ принциповъ, вкусовъ, стилей, манеръ, — они были не созидателями, а проводниками чуждыхъ вліяній, они стремились къ примѣненію и къ приспособленію къ русской дѣйствительности принциповъ и началъ, выработанныхъ не ими, которые они не создавали, а принимали.

Всѣ ихъ заботы направлены къ тому, чтобы перестать быть самими собой, уподобиться другому, они обрекали себя на постоянное ученичество, т.-е. отрѣзывали себѣ пути къ самостоятельности и обрѣтенію самихъ себя.

Русскіе западники въ этомъ смыслѣ отрекались отъ самихъ себя, накладывали оковы на свой свободный духъ, томились въ темницѣ, созданной ими же самими. Отсюда печальная и зачастую трагическая судьба интеллигенціи въ 18-мъ вѣкѣ. Искали спасенія или въ мистицизмѣ или въ самоубійствѣ.

Примѣчательно, что и славянофилы послѣ Петра Великаго, которые вовсе не хотѣли слѣдовать западникамъ, въ этомъ съ ними весьма схожи: и они смотрѣли на себя, какъ на пассивную среду усвоенія цѣнностей, не ими созданныхъ. Единственная разница состояла въ томъ что въ данномъ случаѣ источникомъ цѣнностей являлся не Западъ, а русскій народъ. Но, несмотря на все свое

стараніе слиться съ нимъ и стать съ нимъ близкими, славянофилы, воспитаные въ школѣ западнаго раціонализма, чувствовали свою отчужденность и свое инобытіе, отсюда часто смѣшные и въ основѣ грустные порывы и опыты ихъ, и насмѣшки надъ ними.

Теперь это печальное состояніе, возникшее послѣ Петра Великаго, должно прекратиться. Русская мысль не можетъ и не должна опираться на идеи, выработанныя не ею. Она призвана самими жизненными условіями къ самостоятельному творчеству и самочинному синтезу.

Понятіе Возрожденія.

Я старался указать на новый историческій опытъ, передъ которымъ стоитъ міръ Славянскій, и въ частности Россія,—будемъ надѣяться,—его будущая освободительница. Этотъ новый опытъ требуетъ новыхъ понятій и новой идеологіи, его выражающей. Обрѣтенія ея въ настоящее время представляется труднымъ. Мы не можемъ, кажется, опираться ни на нашу историческую традицію, мы не можемъ ни заимствовать ее съ Запада, ни обрѣсти въ непосредственной дѣйствительности. Мы призваны, кажется, къ творчеству изъ ничего, т.-е. поставлены передъ задачей, которую исполнить невозможно.

Тѣмъ не менѣе она должна быть рѣшена. Должна быть, если насъ не обманываютъ наши чаянія и надежды, которыя въ годину настоящихъ испытаній заставляютъ быть бодрымъ нашъ духъ и волю крѣпкой. Среди видимаго торжества и жатвы смерти, мнится намъ, наступаетъ новая весна, новый прекрасный день зачинается кровавой зарей надъ Россіей и Славянскимъ міромъ.

Я не хочу быть ни пророкомъ, ни мечтателемъ. Я говорю лишь, что если будущее подтвердитъ наши надежды, то Россія и Славянскій міръ призваны разумомъ Исторіи къ новому культурному творчеству, къ созданію новой культуры. Если, дѣйствительно, Россія выйдетъ изъ борьбы побѣдительницей и преодолѣетъ объективныя трудности общекультурнаго кризиса современности,—непремѣннымъ условіемъ возможности наступленія этого будетъ Возрожденіе славянскихъ народовъ и Россіи въ частности. Если Возрожденіе не наступитъ, то тщетными будутъ всѣ побѣды, не сбывшимися останутся наши надежды,

Только Возрожденіе закрѣпитъ за нами пріобрѣтенія нашего оружія и дастъ новый смыслъ нашему существованію. Размышленіе надъ возможностью идеаловъ будущаго въ настоящее время—неотложная задача.

Что такое Возрожденіе?

Возрожденіе народное, какъ и возрожденіе индивидуальное, не можетъ возникнуть лишь путемъ раціонально принятаго рѣшенія, оно обусловлено пробужденіемъ подсознательной воли, актомъ, совершеннымъ въ глубинахъ сознанія. Возрожденіе есть дѣло вдохновенія и энтузіазма, коллективнаго или личнаго; первоначально оно всегда стихійно и творчески синтетично, не доступно никакому аналитическому обоснованію. Сколь бы историки ни тщились разъяснить Возрожденіе, показать его историческую необходимость и закономѣрность, они все же, въ концѣ концовъ, должны признать тщету своихъ попытокъ раціональнаго обоснованія по существу ирраціональнаго, въ лучшемъ случаѣ они могутъ показать съ достаточной полнотой лишь условія возникновенія свободнаго акта.

Но какъ вдохновеніе художника при всей своей стихійности и спонтанности нуждается въ извѣстномъ чувствѣ и сознаніи, хотя бы весьма неясномъ, идеальныхъ нормъ и нѣкоего универсальнаго канона, точно такъ же и стихійная весенняя волна духа народнаго необходимо требуетъ для полнаго своего развитія нѣкоего идеальнаго направителя ея растущей силы; безъ этого, стихійная власть, предоставленная только себѣ самой, будучи сама по себѣ слѣпой и неразумной, сокрушитъ и истратитъ самое себя прежде, чѣмъ она дастъ какія-либо объективно цѣнные результаты. Благородный порывъ будетъ дѣйствовать опустошающе, а не спасительно.

Поэтому не случайно въ историческихъ судьбахъ европейскихъ народовъ Возрожденіе ихъ сопровождалось возрожденіемъ классической древности, такъ что въ настоящее время мы почти отождествляемъ оба эти понятія: Возрожденіе въ общемъ смыслѣ и Возрожденіе въ узкомъ и прегнантномъ. Классическая древность была въ различныя эпохи Возрожденія нѣкіимъ идеальнымъ камертономъ, постоянно звучащимъ въ смутныхъ душахъ, устремленныхъ къ свободѣ, она вела людей среди распада

стараго къ неизвѣстному новому тѣмъ, что невольно подчиняла ихъ порывъ требовательной и взыскательной нормѣ и тѣмъ предотвращала возможныя отклоненія и роковое самоистребленіе.

Кай Гракхъ, стремительный и бурный ораторъ, демагогъ по призванію, ставилъ во время произнесенія своихъ рѣчей позади себя флейтистку, которая подпѣвала бы ему и тѣмъ самымъ давала бы возможность схватить вѣрный тонъ, не сорваться съ голоса; подобнымъ образомъ и люди Возрожденія обращались къ античному міру, ища въ немъ, какъ волшебнаго напѣва, пѣсни Орфея, влекущей душу изъ Ада въ свѣту.

Эти два начала Возрожденія нужно постоянно имѣть въ виду, не переоцѣнивая ни одного изъ нихъ въ ущербъ другому. Конечно, неправильно понимать, напримѣръ, Итальянское Возрожденіе, только какъ возобновленіе занятій античной литературой, какъ пріобрѣтеніе утерянныхъ въ средневѣковье понятій и вкусовъ,—вообще культурныхъ цѣнностей. Подобное пониманіе одностороннe. Оно забываетъ, что исторія вообще не повторяется, что каждая эпоха глубоко оригинальна, а эпоха Возрожденія въ особенности; но также ошибочно игнорировать значеніе античности, признавая лишь имманентное развитіе культурныхъ проблемъ и ихъ рѣшеніе. Необходимо утверждать параллельное и взаимное проникновеніе двухъ моментовъ: растущей волны народнаго и личнаго творчества и античной культуры, усвояемой въ самомъ этомъ творчествѣ и его проникающей. Эти два момента исторически нерасторжимы.

Поэтому мнѣ кажется, что и славянское Возрожденіе, если ему суждено сбыться, должно опереться на нѣкую идеальную цѣнность, безъ которой всѣ порывы окажутся тщетными, скорѣе гибельными, чѣмъ спасительными,—мы рискуемъ уничтожить историческое значеніе нашихъ дней. Мнѣ кажется, и у насъ необходимо возрожденіе классической древности, совпадающее съ Возрожденіемъ міра славянскаго.

Я знаю, у насъ еще не забыто и не изгладилось воспоминаніе о печальной порѣ искусственнаго насажденія классицизма въ эпоху гр. Толстого. Античность въ то

время была призвана сослужить службу, ей по существу несвойственную, можно прямо сказать, противоположную ея природѣ: она должна была заглушить начатки пробуждающейся свободы въ русскомъ обществѣ. Эпоха, въ которую сознались впервые свобода и достоинство человѣка, должна была порабощать свободный духъ. Мнѣ кажется, не нужно долго разбирать всю несуразность этого плана: исполнить его было немыслимо. Въ результатѣ классицизмъ не только не привился въ нашей школѣ, но,—что крайне печально,—совершенно изгнанъ, ибо греческій языкъ проходится теперь въ весьма немногихъ гимназіяхъ, и огромное большинство подрастающаго поколѣнія никогда даже не слыхало „божественной эллинской рѣчи“.

Многіе объ этомъ не пожалѣютъ. У настоящаго свои задачи, и не нужно тратить слишкомъ много драгоцѣннаго времени (время—деньги) на изученіе сѣдой старины. Съ другой стороны, нѣкоторые современные историки, желая отказаться отъ всякой „романтики“, не усматриваютъ въ Элладѣ ничего идеальнаго, ради чего стоило бы трудиться надъ ея изученіемъ, они хотятъ видѣть въ ней лишь частный случай общихъ историческихъ и соціологическихъ законовъ, которые управляютъ и нашей жизнью. Для подобной „реалистической“ точки зрѣнія, я знаю, найдется слишкомъ много подтвержденій. Напримѣръ, въ тонкихъ и занимательныхъ рѣчахъ Лисія передъ нами выведенъ Аѳинскій обыватель, мы знакомимся съ мелкими интригами и здравымъ смысломъ буржуа. Нигдѣ даже чувства, предчувствія того великаго, что якобы должно было совершаться въ душахъ этихъ людей. Въ самихъ „герояхъ“ насъ поражаетъ какая-то странная невыдержанность, хвастовство дурного тона, звѣрство, ругательства, слишкомъ частые слезы и дѣтская радость по поводу самаго незначительнаго. Греческіе боги лишены зачастую всякаго величія и божественности: они ведутъ праздную, разгульную и развратную жизнь. Они подобны идеаламъ дикарей.

Со всѣмъ этимъ можно и должно согласиться. Изученіе античности, дѣйствительно, изгоняетъ романтику и пріучаетъ мыслить реалистически. Греки были живыми

людьми съ естественными недостатками и естественными ограниченіями.

Тѣмъ не менѣе нужно признать, что подобная точка зрѣнія отличается чрезмѣрной узостью и догматизмомъ: узостью потому, что на ряду съ низкими и мелочными чертами она не видитъ великаго, возвышеннаго, идеальнаго, и догматизмомъ потому, что полагаетъ, что достигло полнаго пониманія античнаго. Историкъ, критически настроенный, долженъ помнить, что онъ хотя и пишетъ о прошломъ, на самомъ дѣлѣ является біографомъ того общества, въ которомъ живетъ. Въ любой исторіи античнаго міра находятъ себѣ выраженіе чувства, понятія и идеалы, современные ея написанію. Всякая исторія необходимо отражаетъ въ построяемомъ ею прошломъ настоящее. Античность всегда останется для насъ безконечной проблемой. Мы никогда не будемъ въ состояніи понять ее до конца. Видѣть въ ней лишь „частный случай“— свидѣтельствуетъ объ отсутствіи критицизма.

Но античность, оставаясь для насъ постоянной проблемой, въ то же время является и великой н а д е ж д о й и этимъ она пріобрѣтаетъ для изучающаго совершенно особое значеніе по сравненію съ другими эпохами исторіи.

Не напрасно люди совершенно различныхъ эпохъ и направленій видѣли въ античности воплощеніе своихъ послѣднихъ, сокровенныхъ идеаловъ и чаяній. Въ античности не иллюзорно, а дѣйствительно можно усмотрѣть извѣстное воплощеніе культурныхъ цѣнностей, о которыхъ, какъ о долженствующихъ совершиться, какъ о будущихъ, мечтали культурные дѣятели человѣчества: и воспитаніе человѣчества къ свободѣ черезъ красоту, какъ того желалъ Шиллеръ, и послѣдовательное развитіе демократіи и верховенства народа, управляющаго государствомъ черезъ своихъ любимцевъ - демагоговъ, такъ что современныя демократіи могутъ показаться робкими по сравненію съ этимъ политическимъ максимализмомъ. Въ греческой трагедіи на самомъ дѣлѣ выражена особая воля къ жизни, о которой говорилъ Фр. Нитше. Не случайно даже современные прагматисты и „гуманисты“ стремятся опереться на Протагора. Всѣ наиболѣе смѣлые идеалы будущаго находятъ себѣ аналогію въ античности.

То, что предстоитъ передъ воображающей мыслью, какъ грядущее, то зрится въ иномъ видѣ, какъ уже осуществленное за столько вѣковъ назадъ. Сознанiе историческаго идеала внушаетъ реформатору вѣру, что цѣль, имъ ставимая, не призрачная, не иллюзорная. Античность въ этомъ смыслѣ является великимъ источникомъ великихъ надеждъ. Обильная миѳами Грецiя питаетъ наше творческое построенiе, окрыляетъ нашу мысль, внушаетъ увѣренность въ реальность идеала.

На этомъ нужно настаивать. Античность при всей своей проблематичности вовсе не есть прекрасная, но обманчивая Лилитъ изъ Фауста, принимающая образъ возлюбленной каждаго человѣка. Не ошибались ни Шиллеръ, ни Нитше. Подъ различными аспектами, разсматривая съ различныхъ точекъ зрѣнiя, они видѣли реальныя цѣнности, которыми дѣйствительно обладаетъ классическая древность. Они черезъ свое новое пониманiе каждый разъ вновь открывали античность, ихъ открытiя составляютъ наше современное знанiе о ней. Классическая древность, безконечно богатая самымъ разнообразнымъ содержанiемъ постоянно открывается человѣческому сознанiю и различныя ея пониманiя суть лишь отдѣльные моменты и стороны удивительной полноты ея реальнаго бытiя.

Но возрожденiе античности можетъ быть не только благодѣтельнымъ, но и опаснымъ. Античность подавляетъ своимъ авторитетомъ, своей силой и богатствомъ своихъ достиженiй, столь простыхъ и столь вѣрныхъ, что возникаетъ невольный соблазнъ воспользоваться ими, какъ готовымъ результатомъ.

Античность не есть для насъ только прошлое, къ которому можно относиться совершенно иначе, чѣмъ къ современному,—незаинтересовано. Она въ значительной мѣрѣ и живая сила настоящаго. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть опасна: она способна остановить и дѣйствительно останавливала развитiе самобытнаго творчества, можетъ отучить духъ отъ почина и начинанiя, превратить обращающагося къ ней въ вѣчнаго ученика, слѣдовательно, въ ученика плохого, не могущаго стать выше учителя.

Какъ вездѣ, такъ и здѣсь въ особенности, нужно остерегаться подражанія внѣшняго. Можно говорить лишь о подражаніи внутреннемъ, т.-е. о подражаніи не конкретнымъ фактамъ, формамъ, успѣхамъ, а о подражаніи силѣ и волѣ, созидающей эти формы и факты, т.-е. подражаніе должно быть не столько сознательнымъ и рефлектирующимъ, сколько волевымъ и актуальнымъ. Такъ, напримѣръ, у насъ въ нашемъ туманномъ и блѣдномъ свѣтѣ не могутъ привиться формы античной архитектуры и ея портики, предполагающіе зной и свѣтъ юга. У насъ должна быть своя философія, пользующаяся новыми методами, ибо у насъ есть новая наука, основанная на анализѣ безконечно малыхъ, о которой не знали древніе. Наша культура другая, и насыщеніе ея античными формами можетъ быть скорѣе вреднымъ, чѣмъ спасительнымъ. Нужно избѣгать опасности „классицизма“.

При правильномъ пониманіи античности достичь этого легко, во всякомъ случаѣ это не аргументъ противъ: вѣдь опаснымъ можетъ стать при неумѣломъ пользованіи даже спасительное средство. Сама по себѣ античность была наиболѣе оригинальной и творческой эпохой, и потому подражаніе ей должно вести къ оригинальному творчеству, а не къ пассивному усвоенію чужихъ достиженій. Этому способствуютъ и сами памятники античной культуры. Они обладаютъ тѣми свойствами, что при внѣшнемъ созерцаніи теряютъ свой высокій смыслъ, который раскрывается при иномъ способѣ разсматриванія. Такъ, напримѣръ, философія Платона, какъ она дошла до насъ въ діалогахъ, во многомъ противорѣчива, дуалистична, неудовлетворительна. Едва ли въ настоящее время можно a la lettre, буквально, повторять его аргументы. Даже самый искренній платоникъ не станетъ iurare in verba magistri. И въ то же время мнѣ кажется всякая истинная философія была и будетъ платонической. Во всякомъ случаѣ, платонизмъ—главное царственное русло европейской мысли. Если отвлечься отъ конкретной формы философіи Платона, отъ несистематическаго изложенія, отъ пріемовъ доказательствъ, то она предстанетъ предъ нами, какъ образъ всякой истинной философіи: она лебединый летъ мысли къ солнцу бытія. Въ ней болѣе, чѣмъ въ

любой другой системѣ, воплощается идея всякой философіи. Поэтому самый смѣлый новаторъ въ области философской не долженъ опасаться, что потеряетъ что-либо изъ своей оригинальности и самобытности, если внимательно и регулярно будетъ перечитывать безсмертные діалоги. Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что его мысль изощрится, станетъ болѣе зоркой и видящей, болѣе смѣлой и рѣшительной.

Точно также и античность представляется мнѣ наиболѣе полнымъ воплощеніемъ идеи культуры вообще. Греки первые развили особый способъ жизни, сознали въ себѣ особую волю къ жизни, которая и является двигательной причиной культуры. Греки не признавали неограниченной власти непосредственно данной имъ дѣйствительности, стремились ее преобразить своимъ творчествомъ, руководствуясь цѣлями свободно поставленными, съ другой стороны, они не хотѣли слѣпо повиноваться внѣшнему авторитету тридиции и смутнымъ предчувствіямъ боязливой души. Греки имѣли мужество стремиться къ творческому преображенію природы внѣшней и внутренней. Въ этой созидательной работѣ они опирались лишь на ясное, разумное сознаніе, на свободный духъ человѣка. Благодаря этому Грецiя является не только колыбелью европейской культуры, но и ея образомъ. Античность была и будетъ Сивиллой пророковъ человѣчества.

„Эстетическая идея,—говоритъ Кантъ,—не можетъ стать познаніемъ, ибо она является созерцаніемъ, которому никогда не можетъ быть найдено адекватное понятіе“.

По аналогіи съ такой эстетической идеей должна быть понимаема античность. Она скорѣе образъ, никогда не могущій быть постигнутымъ до конца, чѣмъ понятіе. Она не можетъ стать конкретнымъ, ограничивающимъ нашу свободу правиломъ, она должна дѣйствовать, какъ образъ красоты, которая облагораживаетъ и очищаетъ порывъ глубокихъ и темныхъ страстей и воленій, готовыхъ всегда къ чрезмѣрности, къ „преступленію“ въ самомъ общемъ значеніи этого слова, къ тому, что римляне называли nefas.

Проникаясь этой идеей, мы „рождаемся въ красотѣ“,

какъ говоритъ Платонъ. Именно прекрасному онъ приписывалъ силу окрылять душу, устремлять ее къ идеалу, къ царству идей духа, отторгая отъ всего чувственнаго, конечнаго, ограниченнаго.

Такой прекрасной путеводительницей можетъ и долженъ стать для насъ эллинскій міръ. Онъ изыметъ изъ насъ злобное противоборство устремленій, очиститъ души, такъ что въ минуты раздумій надъ послѣдними цѣлями и идеалами нашъ разумъ будетъ ясенъ и бодръ и воля неразслаблена въ долгой и суровой работѣ надъ ея воплощеніемъ. Такова идея Возрожденія.

Чтобы сдѣлать мою мысль болѣе ясной, чтобы показать какъ различно понималась античная культура и какъ она вліяла на самостоятельное творчество народовъ въ эпоху ихъ расцвѣта, я приведу историческіе примѣры Возрожденія, романскаго и германскаго. Мнѣ придется напомнить читателю нѣкоторые, можетъ быть, общеизвѣстные факты изъ культурной исторіи.

Итальянское Возрожденіе.

Итальянское Возрожденіе 15—16-го вѣковъ является въ извѣстной степени классическимъ примѣромъ Возрожденія вообще. Оно было народнымъ движеніемъ, возрожденіемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, его мощи, его богатствъ, его творчества. То, что создали итальянцы въ области художественной и научной, имѣетъ непреходящую цѣнность. Произведенія Микель-Анджело и Галилея останутся навсегда классическими. Флоренція для всѣхъ европейцевъ родной городъ. „Тебѣ навѣкъ сердце благодарно, Флоренція“ (Мережковскій).

На ряду съ возрожденіемъ народнымъ, параллельно съ нимъ, протекало возрожденіе классической древности. Конечно, совершенно неправильно изображать Возрожденіе, какъ чисто ученое движеніе, начатое филологами, литераторами, поэтами и художниками, нельзя игнорировать общій подъемъ культурныхъ силъ, обогащенія страны, расширенія рынковъ, возникновенія денежнаго хозяйства, реформы войскъ, государственнаго устройства, появленія на самыхъ различныхъ поприщахъ людей, обладающихъ почти сверхчеловѣческой мощью и геніальностью; но нельзя также умалять и значенія постепенно открываемой и усвояемой античной культуры, ея положительнаго и благотворнаго вліянія.

Всего легче, быть можетъ, усмотрѣть это на примѣрѣ итальянскихъ искусствъ. Такъ называемый Высокій Ренесансъ развилъ свои мощныя и глубокія формы самостоятельно, собственнымъ творчествомъ и постиженіемъ. Въ нихъ находилъ себя и себя изживалъ гордый и мощный духъ того времени. Эти лѣстницы и дворцы, эти жесты

и широкія складки, смѣлые повороты головы были подлинными и реальными способами жизни открывателей, завоевателей, творцовъ и побѣдителей, универсальныхъ и царственныхъ людей того времени. Но въ то же время развѣ нѣтъ аналогіи между вкусами и стремленіями людей того времени и Императорскимъ Римомъ? Важность и пышность Римской архитектуры развѣ не давала во многомъ указанія и примѣръ? Римъ и Высокій Ренесансъ соотвѣтствуютъ другъ другу и другъ друга дополняютъ. Черезъ античное вліяніе люди эпохи Возрожденія легко достигали своего самосознанія, того, чѣмъ они были, чего хотѣли и къ чему стремились. Въ точности установить, что именно было заимствовано изъ античнаго и что было создано самостоятельно—очень любопытная и очень трудная проблема науки. Но ограничиваться разсмотрѣніемъ одной стороны дѣла и принципіально игнорировать другую, мнѣ кажется, было бы опрометчивымъ и одностороннимъ.

Античность была безусловно спасительнымъ и необходимымъ средствомъ. Вѣдь не нужно забывать, что Ренесансъ былъ не только эпохой обогащенія и изобилія, какъ это можетъ представляться на первый взглядъ, въ той же мѣрѣ онъ является ущербомъ, оскуденіемъ, упадкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вспомнимъ, чѣмъ было позднѣйшее средневѣковье, то мы должны будемъ признать, что никогда, ни въ одну эпоху человѣчество не достигало такой цѣльности и единства своихъ идеаловъ и убѣжденій.

Величавымъ памятникомъ этой эпохи является „Божественная Комедія“. Въ ней Данте обнимаетъ всѣ судьбы человѣка, всѣ его знанія и стремленія и страсти, располагаетъ ихъ по единой лѣстницѣ, восходящей къ Божеству. Вергилій и Аристотель, злодѣи и святые, Императоръ и его убійцы,—всѣмъ указано свое мѣсто въ грандіозномъ планѣ въ цѣлостномъ представленіи о вещахъ земныхъ и небесныхъ.

Люди тогда знали, не сомнѣваясь, чѣмъ имъ нужно руководиться, убѣжденно сознавали свои идеалы и были убѣждены въ спасительности своихъ средствъ. Ихъ тѣла были мятежны, но духъ и мысль — ясны и глу-

боки. Они радостно, безъ укоризны взирали на звѣздное небо [1]).

Сравнительно съ этимъ, что могла дать и что взяла эпоха Возрожденія?

Возрожденіе обычно опредѣляютъ, какъ открытіе человѣка и природы. Дѣйствительно, въ ней былъ обрѣтенъ новый опытъ какъ внутренній, такъ и внѣшній. Узрѣли природу, словно чешуя спала съ глазъ, увидѣли невидимые дотолѣ міры, открыли новыя земли, новыя части свѣта, познакомились съ тѣломъ человѣка и съ его духомъ, съ внутренней, мгновенно текучей, постоянно исчезающей и возникающей жизнью въ насъ, столь загадочной и захватывающей. Возникло сознаніе высокаго значенія человѣка. Человѣкъ сбросилъ съ себя всѣ оковывающія его вериги, отказался отъ всѣхъ сдерживающихъ его путь, онъ, какъ птица, былъ выпущенъ на свободу, сталъ свободенъ отъ всего, всѣ нравственныя правила пали, не было никакихъ обязательныхъ нормъ. Никогда не совершалось большихъ преступленій, чѣмъ въ эту эпоху. По непроложеннымъ путямъ шелъ человѣкъ. Всѣ апперцептивныя массы разумѣнія, всѣ привычныя перспективы, оцѣнки, критеріи исчезли, уничтожились. Новый опытъ въ конечномъ результатѣ принесъ однѣ проблемы, одни вопросы, которые необходимо было разрѣшить, но которые казались страшными и грозными.

Въ одномъ признаніи Леонардо-да-Винчи, мнѣ кажется, наиболѣе ярко выражены чувства человѣка Возрожденія передъ новымъ опытомъ. Я имѣю въ виду то мѣсто, гдѣ Леонардо говоритъ, какъ онъ, влекомый своимъ страстнымъ желаніемъ видѣть многообразныя формы творящей природы, скитался въ горахъ и дошелъ до входа нѣкой великой Пещеры, какъ онъ долго стоялъ передъ ней и зорко всматривался въ ея темноту и какъ вдругъ онъ сознавалъ въ себѣ два возникшія у него чувства: страхъ передъ этой темной и невѣдомой Пещерой и любопытство узнать, не скрываетъ ли она въ себѣ чего-либо интереснаго.

---

[1]) Всѣ три части „Божественной Комедіи“ кончаются словомъ „звѣзды“.

Такой темной пещерой являлась въ то время природа. Отвѣта на вопросъ было ждать неоткуда. Человѣкъ могъ надѣяться лишь на самого себя. Здѣсь-то и оказала существенную поддержку античность, ибо въ древности знали аналогичный опытъ и нашли средство овладѣть имъ: научный методъ. Отсюда раціонализмъ эпохи Возрожденія и Возрожденіе Платонизма, потому что у Платона идеи въ извѣстномъ смыслѣ суть дѣйствительно научные методы и основы всякаго научнаго познанія. Новый опытъ, сознанный, какъ проблема, оказался спасительнымъ, привелъ къ созданію новѣйшей науки, а не губящимъ. Участники Флорентійской Академіи своими кабинетными занятіями и переводами способствовали этому, лампадка, зажженная ими передъ изобрѣтеніемъ Платона, освѣтила свѣтомъ своимъ загадочную и страшную пещеру,—настала эпоха Просвѣщенія.

Но Итальянское Возрожденіе, хотя и представляетъ въ извѣстной мѣрѣ классическій примѣръ Возрожденія вообще, въ то же время является и частнымъ случаемъ его. Итальянское Возрожденіе является по существу Возрожденіемъ латинскимъ, и это не только потому, что оно возникло, развилось и дало наиболѣе совершенные результаты въ странахъ, населенныхъ романскими народностями,—въ Италіи и во Франціи, явившейся наслѣдницей и продолжательницей традицій Возрожденія вплоть до 18-го вѣка, но также, главнымъ образомъ, и потому, что античность понималась тогда въ ея латинскомъ аспектѣ и истолкнованіи. Дѣйствительно, античность представляетъ изъ себя культуру греко-римскую, римскій моментъ въ ней существененъ. Только въ римской имперіи она сдѣлалась вселенской, въ полномъ смыслѣ слова, силой. Едва ли эллинизмъ явился бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, если бы Грецiя во II вѣкѣ до Р. Х. была завоевана турками, греческая и римская литература объединяется въ понятіи классическаго, но далеко не совпадаютъ между собою. Въ эпоху романскаго Возрожденія такого различенія не производили: говорили просто antichie moderni, причемъ смотрѣли на всю античность подъ угломъ зрѣнія римской традиціи и ея пониманія.

Иначе, конечно, и быть не могло. Вѣдь въ Италіи ея

великое прошлое было живой и непосредственной традиціей. Въ Италіи болѣе, чѣмъ въ другой какой странѣ, сохранились остатки классической древности, руины дворцовъ, укрѣпленій, театровъ и акведуковъ. Земля таила не одинъ кладъ совершеннаго искусства. Многія мѣста были обвѣяны легендами, преданіями и сказками, которыя жили въ душѣ народной смутной и грезящей жизнью, дожидаясь дня пробужденія и возстанія изъ смерти.

Античная культура въ теченіе всего средневѣковья была живой силой. Латинскій языкъ оставался языкомъ церкви и науки. Онъ былъ необходимъ въ медицинѣ и юриспруденціи. Въ монастырскихъ библіотекахъ сохранялись древніе историки, поэты и ораторы, тщательно переписанные. Вергилій считался колдуномъ и магомъ, который даетъ заповѣдную мудрость внимательному ученику.

Правда, послѣ паденія Константинополя въ 1453 году значительная часть константинопольскихъ библіотекъ перемѣщается на Западъ. Греческіе ученые перекочевываютъ въ Италію, и греческій языкъ начинаетъ изучаться итальянскими гуманистами. Но все же греческая культура всегда въ эпоху Ренесанса ощущалась, какъ чуждая. Итальянскіе гуманисты занимались греческими писателями лишь поскольку они находили у латинскихъ выраженную имъ хвалу и явное подражаніе. Занятіе греческими авторами стояло на второмъ планѣ, оно ограничивалось переводами, кромѣ Гомера, великихъ прозаиковъ.

Во многомъ латинская литература была родственна гуманистической. Во-первыхъ, гуманистическая литература развивалась при дворахъ мелкихъ итальянскихъ тиранновъ, властителей и папъ, которые желали быть меценатами, покровителями искусствъ, какъ это было въ золотой вѣкъ римской литературы при Августѣ. Отсюда гуманистическое творчество получило направленіе придворное, искуственное,—поэты и прозаики стремились къ стилистическому совершенству, къ живости ума, къ внѣшнему блеску. Далѣе гуманисты часто занимали оффиціальныя мѣста въ качествѣ посланниковъ при сношеніяхъ отдѣльныхъ государствъ. Отсюда риторическій характеръ прозы Возрожденія. Наконецъ, по своимъ свойствамъ латинская муза была родственна итальян-

ской, въ особенности французской, благодоря своей трезвой ясности.

Всего легче мнѣ, кажется, можно выразить сущность романскаго Возрожденія въ одномъ символѣ и въ одномъ имени,—Цицеронъ. Съ точки зрѣнія итальянскаго гуманизма, Цицеронъ является совершеннымъ выразителемъ античности. Вліяніе Цицерона въ то время было опредѣляющимъ.

Къ Цицерону, подъ вліяніемъ Моммзена и моднаго въ настоящее время волюнтаризма, установилось отрицательное отношеніе. Его считаютъ идеологомъ, человѣкомъ отвлеченныхъ и общихъ разсужденій, непримѣнимыхъ на практикѣ, безполезныхъ. Дѣйствительно, Цицеронъ не разъ попадаетъ въ довольно комическое положеніе, онъ не распоряжается событіями, напротивъ они его влекутъ за собой. Онъ не былъ роковымъ человѣкомъ, какъ, напр., Цезарь, но все же это ничуть не умаляетъ великаго значенія его въ исторіи развитія западно-европейской культуры. Его вліяніе простирается черезъ вѣка вплоть до настоящаго времени.

Цицеронъ былъ первымъ гуманистомъ и въ этомъ смыслѣ родоначальникомъ нашей гуманистической культуры, т.-е. понимая, что онъ не принадлежитъ къ геніальному греческому народу, въ которомъ свобода и природа сливалась въ одно, который былъ нормальнымъ въ возвышенномъ смыслѣ этого слова, для котораго не существовало различія между природой и культурой, Цицеронъ сознательно пошелъ на выучку къ эллинизму и стремился подчинить и облагородить свою природу культурой. Онъ достигъ этого, разумныя начала взяли верхъ надъ природными инстинктами въ немъ, подражая грекамъ, онъ уподобился имъ, самъ сталъ классикомъ, т.-е. онъ прошелъ тотъ путь, который повторили за нимъ всѣ гуманисты, кончая Гете.

И въ своемъ общемъ философскомъ міросозерцаніи онъ является типичнымъ учителемъ Возрожденія. Именно, онъ былъ раціоналистомъ и индивидуалистомъ. Скептически онъ отвергъ доводы наивной вѣры и догматизмъ школъ, утверждавшихъ зависимость и рабство человѣка, онъ не признавалъ опредѣленій воли человѣка какими-либо внѣ

личности лежащими началами. Съ другой стороны, въ области этики онъ признавалъ совѣсть и нравственный законъ въ насъ достаточными для правильнаго и достойнаго поведенія. Вся европейская интеллигенція унаслѣдовала эти принципы: она была и есть скептической по отношенію къ потустороннему и увѣренной въ своихъ нравственныхъ идеалахъ.

Но античность, конечно, не есть лишь цицероніанство и послѣдующее развитіе гуманизма показало односторонность пониманія античности въ романскомъ Возрожденіи.

Германское Возрожденіе.

Романское Возрожденіе стало основой и началомъ европейской культуры. Оно, казалось, открывало передъ человѣчествомъ неограниченныя возможности. Оно было бодрящимъ, жизнеутверждающимъ и оптимистичнымъ, внушало самыя смѣлыя надежды и даже давало больше, чѣмъ обѣщало, черезъ основанную на Платоническихъ началахъ науку и черезъ растущее сознаніе ея мощи.

Эпоха французскаго Просвѣщенія является кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ стремленій, чаяній и надеждъ. Люди того времена были твердо увѣрены, что, они благодаря культурѣ, т.-е. наукѣ и искусству, сумѣютъ не только овладѣть силами природы, но и основать жизнь и поведеніе на принципахъ разума и свободы. Это казалось несомнѣннымъ.

Но уже въ самой французской литературѣ 18-го вѣка закрались нѣкоторыя сомнѣнія, и появилась критика всей этой вдохновляющей и мощной культуры. Руссо, самъ человѣкъ Просвѣщенія, воспитанный на его принципахъ и проникнутый ими, далъ уничтожающую и, главное, проницательную критику его: онъ противоставилъ культурѣ природу, осудилъ первую и оправдалъ вторую. Это означало рѣшительный разрывъ и осужденіе гуманизма, возращеніе, казалось, къ чистому варварству, къ состоянію дикарей, которыми вдругъ почему-то стали интересоваться и на добродѣтель которыхъ стали указывать.

Руссо ограничивался собственно одной критикой и отрицаніемъ. Его положительныя построенія явно несостоятельны, мечтательны, нереальны. Тѣмъ не менѣе онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на своихъ современниковъ.

Онъ показалъ границы романскаго Возрожденія и поставилъ проблемы, которыя оно не было въ состояніи рѣшить.

Вопросъ заключался въ слѣдующемъ: культура вноситъ раздвоеніе и порчу въ естественную природу человѣка, которая извращается, а не облагораживается ею. Культура несетъ въ себѣ искусственность.

Но если мы откажемся оть культуры,—мы вернемся вспять, въ состояніе дикости, варварства и средневѣковья, столь ненавистныхъ эпохѣ Просвѣщенія. Мы отказываемся, слѣдовательно, отъ всѣхъ завоеваній и пріобрѣтеній человѣческаго ума, отъ всего наслѣдія новаго времени.

Такова была антиномія. Рѣшеніе ея было дано уже не французами, а нѣмцами, которые переживали свое Возрожденіе послѣ разгрома религіозныхъ войнъ.

Отыскать разрѣшеніе было сравнительно легко, достаточно было лишь сгладить рѣзкое противоположеніе природы и культуры. Можно было утверждать, что не всякая культура по необходимости враждебна природѣ, а лишь культура ложная, испорченная. Истинные идеалы и цѣли могутъ находиться въ согласіи съ дѣйствительностью, сама дѣйствительность часто ихъ требуетъ и легко подчиняется ихъ преобразующему вліянію. Съ другой стороны, и „природа“ не должна пониматься, исключительно какъ варварство и дикость, а, слѣдовательно, какъ жестокость, неразуміе, зло. Созданія Творца прекрасны; природа хранитъ Его печать.

Логически легко было разрѣшить противорѣчіе, стоило только отрицать наличность противоборства и противоположности этихъ понятій, но трудно было найти конкретное понятіе, обнимающее и примиряющее ихъ. Развѣ явно искусственная французская культура не была тогда единственно истинной, господствующей, неопровержимой? Какую другую культуру можно было ей противоставить? и развѣ дикари, если ихъ разсматривать не сентиментально и мечтательно, не являются въ дѣйствительности людоѣдами и Калибанами?

Пастушка и пастухи, конечно, очень милы на театральныхъ подмосткахъ, но достаточно побыть нѣкоторое время

среди пастуховъ и скотницъ, чтобы убѣдится, что и просвѣщенный человѣкъ обладаетъ нѣкоторыми цѣнными свойствами, что разумъ и культура не только зло и заблужденіе.

Въ этихъ поискахъ новаго понятія культуры и новаго понятія природы античность оказала философской мысли того времени существенную услугу. Лессингу болѣе другихъ принадлежитъ честь открытія новаго понятія античности. Критикуя французскую культуру, онъ противопоставилъ ей культуру греческую. Онъ показалъ неправильное и неполное пониманіе античности въ романскомъ Возрожденіи. Въ „Гамбурской драматургіи", гдѣ дается критика французскаго театра, отрицаніе возникаетъ изъ положительнаго понятія драмы греческой: правильно понятый Аристотель осудилъ бы Корнеля, Расина и Вольтера.

Критика Лессинга направлена на существенное и начальное, на основы тогдашней курьтуры. Онъ достигаетъ своего успѣха тѣмъ, что различаетъ въ самомъ античномъ, на которомъ воспитывались вкусы и понятія новаго времени, латинское и греческое. Первое онъ осуждаетъ, какъ искусственное и подражательное, а на второе опираетъ какъ на первоначальное и естественное.

Въ германскомъ Возрожденіи, такимъ образомъ, совершается вторичное открытіе античности, усматривается ея новый ликъ. Грецескій народъ оказывается тѣмъ искомымъ, идеальнымъ, въ которомъ гармонически примиряются природа и культура, выражаясь въ терминахъ философическихъ,—онъ геніальный народъ.

Примиреніе противоположности, слѣдовательно, возможно не только логически, но и реально: стоитъ лишь во всемъ уподобиться грекамъ. Германское Возрожденіе поэтому становится по преимуществу греческимъ, какъ романское латинскимъ.

„Геній—говоритъ Кантъ есть прирожденное свойство души, черезъ которое природа даетъ искусству правила.

„Слово genius производится отъ своеобразнаго даннаго человѣку уже при рожденіи охраняющаго и руководящаго Духа, изъ внушеній котораго и возникаетъ оригинальный вкусъ". Можно смѣло довѣриться природѣ, потому

что она является не только пассивнымъ матеріаломъ, изъ котораго человѣкъ черезъ разумъ лѣпитъ по произволу что ему угодно: правильно понятая, она внушаетъ человѣку идеи, является его охранительницей и вожатымъ. Природа не зла и не безсильна, она подобна любящей матери, пекущейся о рожденныхъ ею дѣтяхъ.

Истинныя правила искусства и истинное искусство выдуманы не нами, они даны природой, которая сама является великой художницей, какъ это можно наблюдать съ очевидностью на органическихъ ея продуктахъ. Поэтому намъ не зачѣмъ ополчаться противъ „правилъ", „идей": онѣ могутъ быть вполнѣ согласными съ природой, разъ онѣ внушаются и диктуются ей.

Греческая культура была такой истинной, согласной съ природой культурой. Греки не были дикарями, они считали цѣнными и нужными и разумъ и искусство, постоянно себя упражняли, облагораживали, просвѣщали, но ихъ культура не была противоестественной, подобной культурѣ французской, которую осудилъ Руссо. Должное и сущее, дѣйствительность и идея сочетались въ ней. Въ красотѣ греческой жизни находили примиреніе противоположныя на первый взглядъ начала.

Живымъ воплощеніемъ этихъ тенденцій и этого пониманія античности является обзоръ „олимпійца" Гете. Онъ довѣрялъ своей природѣ и любилъ природу вообще, наблюдалъ ее научно и выражалъ свое пониманіе ея въ образахъ поэзіи. Въ то же время онъ продолжалъ вплоть до глубокой старости работать надъ собой, постоянно обогащалъ себя новыми знаніями и новыми опытами. Его занятія классической древностью были для него постоянной и необходимой душевной діэтикой, я бы сказалъ гигіеной, они содѣйствовали постоянному оздоровленію и обновленію его духа, который благодаря этому переживалъ какъ бы постоянную творческую весну.

Какъ Возрожденіе романское находилось подъ обаяніемъ генія Цицерона, такъ возрожденіе германское протекало подъ знакомъ Гомера. Крайне любопытно, какъ понимали Гомера въ то время. Поэмы Илліаду и Одиссею разсмартивали какъ наивное, народное творчество. Знаменитая гипотеза Вольфа о происхожденіи поэмъ имѣ-

ла тогда не только узко-научное, но и обще-культурное значеніе. Лучшая поэзія безыскусственная „безличная, наивная, рождающаяся стихійно — такова эстетическая оцѣнка того времени. Лучшимъ примѣромъ и доказательствомъ тому служатъ поэмы Гомера, которыя сложились непроизвольно, почти безсознательно, которыя прекрасны красотой сросшихся вмѣстѣ кристалловъ, въ нихъ нѣтъ ничего нарочитаго, искусственнаго. Ихъ создалъ великій греческій народъ, его богатая природа породила эти поэмы стихійно, не размышляя о ихъ великой красотѣ.

Народность становится альфой и омегой всякаго истиннаго искусства. Собираютъ „голоса народовъ", пѣсни, былины, сказки. Ихъ обрабатываютъ и имъ подражаютъ. То, что въ греческомъ эпосѣ выражено съ такой убѣждающей полнотой, то находятъ повсемѣстно: природу, согласную съ искусствомъ, искусство, согласное съ природой.

Какое значеніе имѣло это открытіе новаго пониманія природы и искусства, объ этомъ едва ли нужно много говорить. Германское Возрожденіе составляетъ необходимое звено въ развитіи европейскаго самосознанія. Оно не только дало прекрасные образцы поэзіи Гете и Шиллера, оно отразилось на самыхъ разнообразныхъ теченіяхъ того времени и во многомъ сохраняетъ силу до настоящаго времени.

Отсюда возникаетъ романтика и романтическая философія, въ которой идеальное и реальное признаются тождественными. Идея теперь не отторгается отъ дѣйствительности, понимается не абстрактно, а конкретно, въ ея воплощеніи въ дѣйствительности, въ природѣ—философія природы, и въ духѣ—философія духа.

Романтики готовы были даже утрировать эту мысль; они хотѣли видѣть въ каждомъ человѣкѣ „генія" и часто подобное „геніальничаніе" бывало довольно смѣшнымъ. Тѣмъ не менѣе сама идея должна быть признана правильной: она утверждаетъ безусловную цѣнность человѣка, требуетъ приспособленія общихъ нормъ и правилъ къ живой индивидуальности, которую игнорировало абстрактное мышленіе Просвѣщенія.

Отсюда вытекаетъ также историзмъ 19-го вѣка, ибо въ

народной жизни, въ стихійно слагающихся событіяхъ стали усматривать разумность, проявленіе заложенной глубоко въ „духѣ народномъ" его идеи, требующей своего выявленія и проявляющейся въ установленіяхъ права, въ бытѣ экономическомъ, въ привычкахъ и нравахъ даннаго народа.

Этимъ также было дано идеологическое обоснованіе національнаго движенія, которое заполняетъ собою весь 19-ый вѣкъ и которое рѣшается на нашихъ глазахъ. Національизмъ, т.-е. право каждой національности на свободное самоопредѣленіе, съ этой точки зрѣнія, получаетъ свое оправданіе, ибо народное есть цѣнное, оно не должно быть попираемо и угнетаемо чуждой силой.

Таковы тѣ многообразныя слѣдствія, вытекающія изъ открытія новаго пониманія культуры и природы. Едва ли можно спорить, что классическое Возрожденіе сыграло при этомъ главную роль. Если бы образы Гомера были менѣе убѣдительными, можетъ быть, никакая логика не убѣдила бы въ истинѣ „конкретной идеи", въ возможности согласовать природу и свободу. Красота греческаго народа ручалась за то, что отвлеченная діалектика не ошибочна и не софистична, что дѣйствительно есть примиреніе противоположностей.

Задача современности и Александрійская Культура.

I.

Возрожденіе романское и германское исполнили свое назначеніе. Они являются до сихъ поръ дѣйствующими силами, образующими современную европейскую культуру. Всякому образованному человѣку слѣдовало бы знать Цицерона и Гомера, прочесть ихъ не механически, но сознательно, т.-е. внутренне соглашаясь и не соглашаясь съ тѣми вопросами, которые ими были поставлены, и съ тѣми отвѣтами, которые ими были даны.

Но, конечно, у современности есть и совершенно другія задачи. У насъ иной опытъ, чѣмъ у людей 15-го и 18-го вѣковъ, иныя нужды и иныя потребности. Поэтому ограничиться изученіемъ того, что дали прежнія эпохи творчества, нельзя, намъ необходимо самостоятельное созиданіе и самостоятельный починъ. Пассивное усвоеніе безсильны намъ помочь.

Въ настоящее время можно констатировать съ несомнѣнностью общій кризисъ культуры, общій распадъ ея. Сущность этого растущаго распада состоитъ въ полномъ отсутствіи какихъ-либо положительныхъ идеаловъ. Мы не только ничѣмъ не воодушевлены, у насъ нѣтъ ничего, чѣмъ мы могли бы вдохновляться. Человѣчество лишилось всякихъ цѣлей. Жизнь превращается въ безсмыслицу.

Многіе сочтутъ мое утвержденіе черезмѣрно пессимистичнымъ. Но едва ли они въ состояніи привести что-либо существенное для подтвержденія своего мнимаго оптимизма. Конечно, современная культура богата, она скорѣе страдаетъ отъ полноты своихъ средствъ, отъ изо-

билія, чѣмъ отъ скудости. Только теперь обнаруживаются послѣдніе результаты открытія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Только теперь мы познали, что значитъ на самомъ дѣлѣ та мощь, которую даетъ безконечное, какъ оно способно преодолѣть все конечное, всѣ стихіи, которыми легко и свободно овладѣваетъ понятіе. Пространство, время и силы намъ подчиняются. Завоеванъ воздушный просторъ. Никогда еще свобода и достоинство человѣка не могли болѣе ясно сознаться и получить окончательное утвержденіе. Но на ряду съ этимъ одолѣніемъ внѣшнихъ силъ мы обрѣли внутреннюю слабость, мы познали яснѣе всѣхъ тріумфовъ безсиліе побѣды, тщету всѣхъ чаяній, безнадежность достиженій.

Безконечность, которою мы владѣемъ, грозитъ опустошить насъ. Передъ конечной задачей и конкретнымъ препятствіемъ воедино собирается человѣческій духъ, клубится, какъ потокъ передъ плотиной, множитъ себя, воля пробуждаетъ волю, узость и односторонность бываютъ спасительными. Теперь мы лишены благодѣяній ограниченности. Мы на свободѣ, передъ нами безконечный просторъ. Безконечное уничтожаетъ насъ, онъ расплавляетъ и распыляетъ нашъ Духъ, грозитъ превратить его въ ничто, которое все болѣе и болѣе заполняетъ наше внутреннее существо. Horror vacui не пустая мысль, ее, быть можетъ, испытываетъ вся природа, на долю нашего злосчастнаго вѣка выпало сознаніе пустоты въ полной мѣрѣ. У насъ нѣтъ ничего.

Мы страдаемъ отъ отсутствія сознанія предѣловъ этихъ таинственныхъ началъ, которыя одни могли бы преодолѣть нашъ ужасъ. Наше мнимое оправданіе и теодицея, нашъ оптимизмъ есть безконечный прогрессъ. Этой вѣрой питалось человѣчество, вдохновленное идеей безконечности. Теперь мы яснѣе яснаго видимъ безсмыслицу этой безсмысленной теоріи. Мы спрашиваемъ о предѣлѣ.

II.

Распадъ обозначаетъ выдѣленіе изъ цѣлаго частей, не подчиняющихся болѣе единому и сознаваемыхъ, какъ са-

мостоятельныя начала. Такой распадъ и упадокъ субъективно, для тѣхъ, которые его сознали въ себѣ, зачастую можетъ стать гибельнымъ. Но объективно онъ можетъ обозначать и прогрессъ, т.-е. предверіе болѣе высокой стадіи познанія. Вопросъ заключается лишь въ томъ, сможетъ ли данный человѣкъ или данная эпоха преодолѣть въ себѣ это осознанное противорѣчіе, превратится ли оно въ единое понятіе, объединяющее противоположныя начала.

Человѣкъ жизнеспособный не долженъ скорбѣть объ утратахъ, даваемыхъ возрастами его духа: эти утраты на самомъ дѣлѣ могутъ стать пріобрѣтеніями. Они обозначаютъ, что онъ освободился отъ власти иллюзіи надъ собой, что обольщеніе безсильно противъ новой силы его духа. Исчезновеніе обольщенія поэтому не должно пониматься, какъ разочарованіе.

Но для насъ распадъ нашей культуры можетъ стать гибельнымъ и уже оставаться таковымъ. Мы рискуемъ сказаться недостаточно пластичными, оскудѣть и обезсилѣть прежде, чѣмъ можетъ начаться возрожденіе.

Въ нашей культурѣ обозначились противорѣчія, которыя мы, кажется, безсильны преодолѣть.

Самая главная опасность состоитъ въ томъ, что мы лишились возможности утверждать что-либо, что мы осуждены жить безъ догматовъ. *У насъ нѣтъ не только никакихъ идеаловъ, могущихъ выдержать критику, у насъ даже нѣтъ основы возможности ихъ созданія.*

Родоначальники современнаго міросозерцанія были догматики,—они имѣли мужество утверждать. Въ 17-мъ вѣкѣ были заложены первыя основы новаго пониманія міра, и были открыты методы его идеальнаго построенія. Вершинами этой творческой работы были Декартъ и Лейбницъ, которые благодаря новой логикѣ непрерывнаго или безконечнаго понятія создали, одинъ—аналитическую геометрію, другой—дифференціальное исчисленіе. Они вѣрили въ свои утвержденія безусловно, и въ то же время ихъ утвержденія, казалось, были столь очевидными, что въ нихъ нельзя было сомнѣваться: они были, по слову Лейбница, дѣйствительными лишь потому, что были возможными!

Но дальнѣйшее развитіе этихъ несомнѣнныхъ, казалось бы, принциповъ обратилось противъ нихъ самихъ. Изъ догматизма возникъ историзмъ. Та всеобщая и безконечная связь, которою связывали догматики свои утвержденія, оказалась связывающей ихъ собственные принципы. И они были подчинены единому общему закону, впервые ими формулированному, закону непрерывности. Какъ каждый моментъ объективнаго міра, пространства и времени, былъ подчиненъ необходимому причинному ряду, точно такъ же въ причинномъ, безконечномъ ряду оказались и сами исходные пункты, благодаря которымъ впервые и возникъ рядъ.

Гегель является преемникомъ Лейбница. Cogito, ergo-sum—первая формулировка закона всеобщей діалектики. Принципы изъ безусловныхъ стали условными, основы были сдвинуты и подмыты непрерывнымъ потокомъ всеобщаго развитія. Безконечность оказалась не только спасительнымъ, но и разрушающимъ началомъ.

Таково основное противорѣчіе: историзмъ разрушаетъ догматизмъ, но и самъ на немъ основанъ. Безъ всякаго догмата, безъ всякаго a priori и логики исторія невозможна, но на самые наши догматы и нашу логику мы принуждены смотрѣть исторически, т.-е. мы сомнѣваемся въ нашихъ догматахъ, мы видимъ всю ихъ историческую зависимость и условность. Мы подрываемъ такимъ образомъ основы нашихъ собственныхъ несомнѣнныхъ утвержденій.

Такъ мы лишаемся всякаго догмата, самой возможности утвержденія, ибо всякое утвержденіе ставится въ необходимое отношеніе къ другимъ, и лишается тѣмъ самымъ убѣдительности окончательной, и только почему-то самъ законъ всеобщей относительности выдается за абсолютную истину. Жизнь наша лишается всѣхъ твердыхъ устоевъ, безъ которыхъ мы уносимся въ ночь бытія. При всей стремительности современной культуры, кажется, мы не двигаемся съ мѣста.

Изъ этого основного противорѣчія возникаетъ рядъ другихъ, на разрѣшеніе которыхъ собственно и направлена безсильная мысль современности.

Историзмъ полагаетъ все, какъ необходимое, онъ устанавливаетъ сплошную опредѣленность каждаго момента

бытія, онъ отрицаетъ всякую свободу. Программа современной демократіи была возможена въ протестанскихъ общинахъ 16-го и 17-го вѣковъ, но невозможна въ просвѣщенномъ современномъ обществѣ. Борьба за свободу, какъ положительную цѣнность, съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ принциповъ—химера. Но если отрицать свободу, то немыслимымъ становится признаніе и необходимости. Вѣдь понятіе необходимости есть слѣдствіе теоріи, которую мы полагаемъ свободнымъ актомъ разума. Разумъ долженъ быть свободнымъ, разъ мы приписываемъ ему какую-либо значительность. Нельзя мыслить разумъ по аналогіи со счетной машиной.

Равнымъ образомъ настойчиво поставлена въ настоящее время и абсолютно, кажется, для насъ неразрѣшима проблема творчества. Безъ творчества невозможна никакая культура: оно является источникомъ всего новаго и оригинальнаго, но, съ точки зрѣнія историзма, съ точки зрѣнія непрерывности, всякое творчество есть иллюзія. Все конечное разъ навсегда implicite пребываетъ въ безконечномъ и вытекаетъ изъ него со строгой послѣдовательностью и необходимостью: всякое новое является продуктомъ стараго и стоитъ въ необходимой причинной связи съ нимъ. Поэтому творчество—абсолютно невозможное понятіе.

Не случайно поэтому наша жизнь механизируется. Механизмъ не является только эвристической гипотезой физики,—онъ грозитъ овладѣть нами и подчинить насъ. Наше *я* механизируется. Система Тейлора становится послѣдней нашей моралью.

Наконецъ я укажу на понятіе индивидуальности и на индивидуализмъ, какъ міросозерцаніе. Эта проблема является предѣльной для метода безконечнаго; именно, она, кажется, рѣшается безконечнымъ синтезомъ. Что есть индивидуальное,—это можетъ, кажется, быть выражено какъ бы въ безконечномъ уравненіи. Мое *я* есть нѣчто геометрическое, физическое, химическое... культурное... и т. д. Но все же никогда этимъ путемъ не можетъ быть до конца опознано, что есть послѣдній субъектъ многообразныхъ общихъ опредѣленій,—онъ всегда необходимо превосходитъ ихъ. Въ то же время непознаваемая, ирра-

ціональная индивидуальность требуется и необходимо полагается самимъ началомъ нашихъ разсужденій. Историзмъ 19-го вѣка, т.-е. изученіе индивидуальнаго биванія, является слѣдствіемъ и результатомъ усовершенствованнаго и измѣненнаго метода непрерывности 17-го вѣка.

Принятіе понятія индивидуальности грозитъ опрокинуть и повернуть „верхъ ногами" весь ходъ нашихъ разсужденій. Разъ дѣйствительно индивидуальность признана за цѣнность и сущность, она уничтожаетъ, дѣлаетъ нереальными всѣ общія опредѣленія, всѣ законы, всѣ нормы. Непрерывный безконечный рядъ нашихъ разсужденій атомизируется, распадается,—какъ бисеръ безъ шнурка, на которой онъ нанизанъ,—остаются равнодушные другъ другу, исключающіе въ своей самости другъ друга, отдѣльные индивидуумы и индивидуальныя цѣнности.

Такимъ образомъ, мы можемъ признать главной и существенной чертой нашего времени наличность нѣкоторыхъ неразрѣшимыхъ антиномій и противорѣчій. Въ нашемъ духѣ существуютъ противоположныя цѣнности и начала, отрицающія другъ друга и другъ друга уничтожающія. Въ результатѣ возникаетъ сознаніе нѣкой великой пустоты и опустошенности,—обладая многимъ, мы утеряли единое; мы терпимы и готовы признать и принять сами различное и противоположное, но у насъ нѣтъ связывающаго и совокупляющаго ихъ начала. Мы не владѣемъ ни однимъ изъ нашихъ сокровищъ и остаемся голодными среди изобилія всѣхъ культурныхъ лакомствъ.

Для разрѣшенія и преодолѣнія этого все болѣе ясно означающагося кризиса должны быть найдены новые методы, пути духа, мало еще сознанные современностью. Существенной поддержкой въ достиженіи этой цѣли, въ этой культурной работѣ, можетъ оказать, какъ мнѣ кажется, знакомство съ Александрійской культурой, т.-е. культурой позднѣйшаго эллинизма, развившейся послѣ Александра Великаго, главнымъ очагомъ которой явилась Александрія. Во всякомъ случаѣ историческая параллель очень любопытна, а аналогія очевидна. Я постараюсь показать, что Александрійская культура можетъ явится не только подобіемъ современности, но и поучительнымъ примѣромъ нашему времени.

III.

Александрійская культура была очень богатая и сложная, богатая въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ. Можно сказать, что она даже слишкомъ утонченная, рафинированная, перегруженная всевозможными цѣнностями. Востокъ, дотолѣ враждебный, окончательно открылся предпріимчивости грековъ, —возникаютъ новые торговые центры, и намѣчаются новые торговые пути. Стремительно растетъ эллинизація. Во всѣхъ почти городахъ передней Азіи возникаютъ греческіе кварталы и въ нихъ—дѣятельныя греческія колоніи. Сравнительно съ узостью и ограниченностью кантональной Греціи новая эллинистическая эра была большимъ шагомъ впередъ.

Въ духовномъ отношеніи только теперь намѣчаются результаты открытія греками классическаго періода научнаго метода. Достиженія въ области частныхъ наукъ, въ математикѣ, физикѣ, географіи, филологіи составляютъ неувядаемые лавры греческаго генія. Эта эпоха, такимъ образомъ, очень дѣятельная и по своему плодотворная.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти положительныя стороны столь блестящей на первый взглядъ культуры, она не удовлетворяла. Въ Александріи было великое многообразіе всевозможныхъ цѣнностей, но не было единаго начала, ихъ объединяющаго, придающаго смыслъ всѣмъ трудамъ, хлопотамъ, всѣмъ частнымъ проявленіямъ жизни. Живой духъ, вдохновляющій и оживляющій всѣ начинанія, опредѣляющій частныя цѣли и устремленія, отсутствовалъ. Александрійцы боязливо оглядывались на прошлое, завистливо обращались назадъ, къ болѣе мощнымъ эпохамъ. Символомъ Александрійцевъ является Музей.

Музеи всегда производятъ нѣкоторое грустное впечатлѣніе. Они подобны городамъ мертвыхъ, они обширныя кладбища культуры, въ ихъ витринахъ тщательно занумерованные и каталогизированные почіютъ дорогіе останки прошлаго. Музейная Александрійская культура была печальна болѣе, чѣмъ какая-либо иная.

Александрійскую культуру обычно называютъ ретроспективной,—живое творчество отсутствуетъ въ ней. Александрійцы—эпигоны, они могли быть геніальными продол-

жателями (напр., Архимедъ), но не зачинатели, они развиваютъ ранѣе созданные принципы, воплощаютъ, проводятъ въ жизнь не ими созданные догматы. Первые Александрійцы хранили прошлое, но не чувствовали возможности новаго.

Отсюда понятно недовольство этой культурой, ея критика, отказъ отъ нея, бѣгство въ пустыню.

Не нужно, однако, забывать и другую сторону. Распадъ культуры вызвалъ въ дальнѣйшемъ новый культурный подъемъ, новое творчество, которые по своимъ результатамъ и по своему масштабу превзошло всѣ прежнія достиженія эллинскаго духа,—именно, въ Александрійской культурѣ былъ данъ новый синтезъ, въ результатѣ котораго было принятіе, усвоеніе и распространеніе христіанства. Сравнительно съ этимъ творческимъ подъемомъ блѣднѣютъ и малыми кажутся и дорическій храмъ, и аѳинскій акрополь, и аттическая трагедія, и даже Гомеръ. Эта эпоха поздняго эллинизма наиболѣе любопытная и завлекающая. Тутъ, дѣйствительно, совершается нѣкое чудо: пепелъ обращается въ огонь.

Исторической и логической предпосылкой Александрійская культура имѣетъ походы и побѣды Александра Македонскаго. Для насъ до сихъ поръ его дѣятельность подобна сказкѣ: геніальный юноша, прекрасный ученикъ Аристотеля, которому удается рѣшительно все, побѣдитель по преимуществу,—при чемъ значеніе его быстрыхъ побѣдъ продолжаетъ дѣйствовать и послѣ его ранней смерти,—онъ кажется намъ непонятнымъ, онъ почти невозможенъ.

Что же должны были переживать и испытывать его современники?

Побѣдоносный походъ Александра въ Азію означалъ для грековъ окончаніе великой борьбы, исходъ которой часто казался сомнительнымъ. Побѣда была столь же рѣшительна, сколь и быстра. Упованія и надежды многихъ поколѣній находили осуществленіе. Событія походили на легенду, невольно вѣрилось, что въ Александрѣ есть нѣчто божественное, что онъ—сынъ Зевса. Если вслѣдствіе паденія общинной жизни вообще тенденція эпохи клонилась къ индивидуализму, то слѣпительный образъ

Александра долженъ былъ пробудить идеи сверхчеловѣческой личности, могуществу которой не положено границъ. Неудивительно, что въ это время появляются люди, не считающіеся ни съ какими ограниченіями своего *я*, „индивидуалисты“ въ самомъ зломъ и безпощадномъ смыслѣ: Антипатръ, Кассандръ, Антигонъ, Деметрій Поліоркетъ, Агаѳоклъ, Пирръ; мы видимъ и женщинъ, которыя ничуть не уступаютъ мужчинамъ въ гордомъ самоутвержденіи и въ ничѣмъ нестѣсняемомъ проявленіи своей энергіи и преступности: Олимпіа, Береника, Фила.

Въ эту яркую эпоху расцвѣта индивидуализма, именно благодаря предѣльному развитію всѣхъ его возможностей, начинаютъ сознаваться границы всякой индивидуальности, какой бы обольстительной она ни казалась на первый взглядъ. Обнаруживается тщета и иллюзорность личнаго начала, его слабость, его безсиліе. Это былъ большой и тяжкій вопросъ.

Греческая культура была по преимуществу гуманистичной, т.-е. греки полагали, что спасеніе человѣка находится не внѣ его, не въ покорствованіи внѣшнимъ силамъ природы, ни даже велѣніямъ божества, а въ самомъ человѣкѣ, въ его самосознаніи, въ ясномъ и отчетливомъ мышленіи. Проявить всѣ энергіи своего духа — такова цѣль жизни. Представленія о Божествѣ должны складываться и критически провѣряться разумомъ. Миѳы должны быть очищены отъ входящихъ въ нихъ заблужденій. Сумракъ предчувствій, гаданій и сновъ должно освѣтить ясное мышленіе, которое является послѣднимъ критеріемъ всякой достовѣрности, которая должна быть прежде всего разумной. Можно показать, что таковы тенденціи всѣхъ проявленій греческаго генія, начиная съ Гомера, такова пластика, поэзія, такова философія и наука. И вотъ, теперь эта основная идея греческаго народа, на которой основана была его культура, начинаетъ казаться сомнительной, проблематичной; на ряду съ человѣческимъ, какъ болѣе цѣнное, болѣе глубокое и существенное, возникаетъ идея Божества.

Греція была бѣдна религіознымъ опытомъ по сравненію съ Востокомъ. Культура ея была по преимуществу свѣтская. Во всякомъ случаѣ она не могла противопоставить

ничего даже приблизительно равнаго религіознымъ книгамъ евреевъ. Религіозныя установленія, существовавшія въ ней, какъ и во всякой другой странѣ, не опредѣляли собою жизни, которая развивалась свободно и независимо. „Божественное“ существовало рядомъ съ человѣческимъ, при чемъ послѣднее явно превалировало. Варварскій Востокъ былъ по сравненіи съ Греціей мудръ особой мудростью, знаніемъ вѣдовскимъ, таинственнымъ и загадочнымъ, съ трудомъ умѣщающимся въ ясныя понятія науки. Знаніе его было недоступно для точныхъ методовъ.

Вмѣстѣ съ растущимъ сознаніемъ границъ личнаго начала возникалъ и критическій вопросъ о тщетѣ всякаго человѣческаго знанія, о безсиліи разума, неспособнаго дать послѣднія основанія для здѣшней и будущей жизни.

Востокъ начинаетъ влiять. Это вліяніе можно сравнить только съ завоеваніемъ Греціи Ѳракійскимъ Діонисомъ на зарѣ греческой исторіи, съ тою лишь разницей, что тогда Діонису противостояли люди скуднаго образованія и малаго культурнаго опыта, жители деревень и бѣдныхъ и слабыхъ городовъ. Съ Востокомъ же встрѣтились ученики Архимеда, люди искушенные всяческимъ знаніемъ, обладающіе развитымъ, научнымъ методомъ, завоеватели міра. Это любопытная и единственная въ своемъ родѣ встрѣча.

Я знаю, филологи и историки справедливо не любятъ признавать какихъ-либо постороннихъ вліяній на развитіе античной культуры. Они стремятся построить ея развитіе въ непрерывномъ, имманентномъ движеніи порождаемыхъ предыдущими достиженіями проблемъ и рѣшеній. Греческій геній до самаго конца сохраняетъ оригинальность и самобытность, свою единственность,—въ немъ принципъ всякаго оформленія. Съ этимъ я охотно бы согласился. Указывая на Востокъ, я говорю лишь о новомъ опытѣ грековъ, познакомившихся съ своеобразной и глубокой культурой народовъ, ими завоеванныхъ, я указываю лишь на новый многообразный матеріалъ, представившійся греческому сознанію какъ разъ въ ту эпоху, когда греки въ силу внутренняго развитія обратили вниманіе на аналогичныя проблемы.

Божества Востока начинаютъ проникать и овладѣвать

греческимъ міромъ. Возникаютъ повсемѣстно варварскіе культы: Сераписъ, Фригійская Богиня, Озирисъ, Изида, Митра, замѣтно и вліяніе евреевъ разсѣянія. Греческая культура переживаетъ острый кризисъ. Отъ яснаго мужественнаго свѣта разума, отъ всего „Аполлонскаго“ въ душѣ и волѣ волны времени увлекаютъ человѣка ко всему смутному, нелѣпому, ночному, женственному, въ область предчувствій, сновъ и страстныхъ экстазовъ. Появляются пророческіе энтузіасты и обманщики. Вѣра въ тѣхъ и другихъ почти не встрѣчаетъ препятствій, имъ возводятъ храмы, ихъ статуи ставятъ на площадяхъ городовъ, возникаютъ и распространяютъ легенды, „житія“ новыхъ святыхъ, съ успѣхомъ дѣйствуетъ колдовство самаго различнаго рода, отъ самаго низкопробнаго до возвышеннаго. Оно встрѣчаетъ всеобщее сочувствіе. Магія, предсказанія, мистеріи процвѣтаютъ. Мысль меркнетъ. Воля слабѣетъ и отдается во власть року и роковымъ силамъ.

Поистинѣ, это было тяжкое и чреватое послѣдствіями испытаніе. Человѣческая культура была готова сама себя ниспровергнуть. Это было время всеобщаго упадка и въ то же время величайшаго творчества, ибо греческій духъ вышелъ побѣдителемъ изъ столкновенія, онъ преодолѣлъ темную стихію, сохранилъ свой свѣтлый характеръ, приспособился къ новымъ проблемамъ и новымъ задачамъ, поставленнымъ требованіями эпохи и вліяніями Востока.

Греческая мысль направляется на проблемы теологическія, греческая философія становиться теософіей. Она могла это сдѣлать, ничуть не поступаясь своими принципами; въ этомъ, быть можетъ, наиболѣе существенное отличіе античной теософіи отъ современной, которая является во многомъ противницей научнаго метода. Уже Платонъ и Аристотель пытались рѣшить аналогичныя проблемы. Платонъ, въ противовѣсъ просвѣтительной и скептической дѣятельности софистовъ, воспринялъ въ свою философію глубокое содержаніе эллинской религіи, въ особенности орѳической. Ея догматическія воззрѣнія на судьбы души послѣ смерти, о судѣ и возмездіи, о божественной справедливости онъ старался оправдать чистой мыслью (Федонъ, Горгій). То же самое по своему пы-

тался сдѣлать и Аристотель: онъ хотѣлъ сдѣлать яснымъ и понятнымъ то, что передано древними въ образѣ миѳа (Мет. 12 кн. гл. 8), выразить содержаніе положительной религіи въ терминахъ своей метафизики.

Гдѣ остановился Аристотель, оттуда пошло дальнѣйшее развитіе. Многообразные миѳы стали истолковываться логически, они понимаются, какъ аллегоріи и символы чистой мысли, и въ чужихъ богахъ стали узнавать подобные же, можетъ быть, рудиментарные образы; отсюда сліяніе различныхъ божествъ, ихъ отождествленіе, узнаваніе единаго Бога во многихъ его образахъ, часто весьма искаженныхъ.

Результатомъ этого долгаго и сложнаго развитія, этого взаимнаго приспособленія было возникновеніе новаго синтеза, который положилъ начало новой христіанской культурѣ. Божественное и человѣческое примирилось въ единомъ понятіи Богочеловѣчества, въ ученіи о воплощеніи Логоса. Христіанская религія выразила Божественное въ наиболѣе полномъ и глубокомъ смыслѣ, въ то же время она не враждебна человѣческому, говоритъ о высокомъ значеніи человѣка, оправдываетъ и благословляетъ всѣ выраженія лучшей части его духа.

Такова вкратцѣ сущность развитія Александрійской культуры. Легко видѣть, что она въ одно и то же время является эпохой упадка и творчества: въ распадѣ духъ человѣческій нашелъ силы для новаго творчества и преодолѣнія наибольшихъ противоположностей и противорѣчій. Благодаря этому упадочная Александрійская культура можетъ стать для насъ не только историческимъ примѣромъ, но радостной надеждой для нашего будущаго.

IV.

Таковы задачи современности и таковы историческія аналогіи, съ помощью которыхъ онѣ могли бы быть рѣшены. Тотъ народъ, который выполнитъ эту очередную культурную задачу, будетъ „историческимъ“ по праву, ибо его творчество станетъ необходимымъ моментомъ въ развитіи всемірной культуры. Мнѣ кажется, что мы можемъ питать нѣкоторую надежду, что именно славянамъ

и въ особенности русскимъ удастся разрѣшить современный кризизъ. Слѣдующія соображенія могутъ отчасти оправдать эти надежды и придать имъ вѣроятность.

Уже Достоевскій указывалъ, что существенной чертой русскаго генія является „всечеловѣчность“.

Съ этимъ до нѣкоторой степени можно согласиться, нужно только оговориться, что причиной тому является не столько всеобъемлющая широта русской души (вѣдь про всякую душу можно сказать, что пути ея неизслѣдимы, такъ глубокъ ея Логосъ), но сами историческія условія, въ которыхъ развилось и протекало русское самосознаніе.

Русская мысль являлась до сихъ поръ по преимуществу ученицей Запада; хотя она воспринимала и проникалась многообразными его ученіями, она все же всегда относилась къ нимъ, какъ къ чему-то чуждому ей, во всякомъ случаѣ, какъ ею лишь усвоенному, не ею выработанному. Эта пассивность являлась, конечно, большимъ недостаткомъ, но, съ другой стороны, давала извѣстную свободу по отношенію къ усвояемымъ идеямъ. Русская мысль по особенному была убѣждена въ истинности западныхъ истинъ,—во всякомъ случаѣ не со столь слѣпой и обольщающей себя предвзятостью, какъ сами творцы ихъ. Русскіе, даже оставаясь западниками, могли сохранять свободу сужденія (напр., Герценъ). Въ то же время проникаясь чуждымъ просвѣщеніемъ, они убѣждались до очевидности въ несовершенствахъ и изъянахъ непосредственной нашей дѣйствительности, къ которой легко развивалось критическое отношеніе. Русскій человѣкъ поэтому болѣе свободенъ и по отношенію къ культурнымъ идеаламъ и къ непосредственной традиціи и дѣйствительности, прошлое не бременитъ его духъ, какъ въ насыщенныхъ прошломъ западныхъ странахъ, гдѣ, можетъ быть, умѣстенъ и отчасти понятенъ „футуризмъ“.

Стоя надъ противоположностями Востока и Запада русская мысль тѣмъ самымъ легче можетъ выразить идею обнимающую ихъ, т.-е. удовлетворяющую какъ матеріальнымъ требованіямъ проблемы, такъ и требованіямъ формальнымъ, она способна дать разрѣшеніе, согласное съ культурными и историческими традиціями.

Къ этому нужно еще добавить, что ни въ одной странѣ, можетъ быть, не сохранились въ бо́льшей степени эллинистическія традиціи. Религія русскаго народа есть христіанство въ его греческомъ пониманіи и истолкованіи. Я, конечно, не хочу здѣсь поднимать вопросъ о существенныхъ различіяхъ римской церкви и протестантизма отъ православія, я хочу лишь указать, что въ православіи, въ его догматахъ и въ его метафизикѣ продолжаетъ историческое бытіе свое греческая философія и та гармоническая мудрость, которая являлась идеаломъ греческихъ мудрецовъ, лежитъ въ основѣ пониманія Откровенія и Св. Писанія. Точно также и въ искусствѣ церковномъ, въ архитектурѣ и живописи продолжается Византинизмъ и въ немъ античная красота, измѣненная рядомъ новыхъ задачъ и углубленная ихъ новымъ пониманіемъ. Поэтому греческая культура, въ особенности позднѣйшая, не должна оставаться намъ чуждой, мы легче поймемъ ея цѣнности и сознаемъ ея возможности, чѣмъ всякій другой народъ.

Но, конечно, для этого необходимъ нѣкоторый отказъ отъ старыхъ, распространенныхъ въ нашемъ обществѣ убѣжденій и признаніе требованія новаго творчества. Русская мысль должна научиться мыслить самостоятельно и безъ обольщенія. Русскіе склонны къ большимъ крайностямъ. Русская самоувѣренность нашла себѣ выраженіе въ ученіи о Москвѣ, какъ о Третьемъ Римѣ, и эта идея остается, кажется, живучей въ нѣкоторыхъ кругахъ, несмотря ни на какіе историческіе уроки. Съ другой стороны ни въ одной, я думаю, странѣ не было такого самооплеванія, какъ у насъ. Критическая увѣренность въ своихъ силахъ должна излѣчить подобныя ненужныя излишества.

Во-вторыхъ, чтобы сознанныя противоположности объединились въ новомъ всеобщемъ понятіи, нужно сдѣлать свою душу не только женственной воспріемницей ихъ, средой въ которой онѣ дѣйствуютъ, но пробудить въ себѣ также мужественное начало духа. Та сила, которая въ одно и то же время полагаетъ противоположности и соединяетъ ихъ, есть Разумъ, самосознаніе. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени въ русскомъ обществѣ былъ распространенъ печальный предразсудокъ, осуждающій интеллектуализмъ и раціонализмъ.

Русскіе любятъ волюнтаризмъ. За послѣднее время въ нѣкоторыхъ кругахъ былъ даже въ модѣ лѣсной человѣкъ съ „лохматымъ сердцемъ“ „нитшеніанецъ“, въ ковычкахъ, безраздѣльно цѣльный, человѣкъ-звѣрь. Ему прощали многія шалости и многія пошлости. Его находили великолѣпнымъ.

Эти люди забывали, что ихъ проповѣдь есть ничто иное, какъ „Похвала Глупости“, что они добровольно ей рукоплещутъ. Имъ необходимо внимательно прочесть Эразма Роттердамскаго.

Нужно признать, что весь споръ основанъ на недоразумѣніи и непониманіи. Только ложная философія и ложная психологія можетъ противополагать волю интеллекту. Для всякой болѣе глубокой точки зрѣнія это одно и то же. Человѣкъ, лишенный разума, не можетъ располагать цѣлями и соображать средства, т.-е. не можетъ хотѣть, а лишь безсознательно стремиться и инстинктивно дѣйствовать. Но про такого человѣка едва ли можно будетъ сказать, что онъ обладаетъ сильной волей.

Воля только тогда противоположна разуму, если послѣдній мыслится, какъ совокупность идей, которыя являются объектомъ сознанія, когда тотъ актъ, которымъ мы направляемъ наше вниманіе на эти идеи, та внутренняя сила, которой мы ихъ удерживаемъ и ими овладѣваемъ, различается отъ его объектовъ. Но, конечно, это не такъ. Идея является не только содержаніемъ сознанія, но и живымъ процессомъ мысли: дѣятельное, синтезирующее начало ей необходимо присуще, она существуетъ не какъ пустая отвлеченность, а какъ реальная сила нашего сознанія.

Конечно, можно говорить, что безъ чувствъ и безъ страсти не возникаетъ ничего великаго, но было бы совершенно неправильно выводить отсюда, что наши идеи— чисто пассивныя изображенія дѣйствительности, что интеллектъ находится на службѣ у воли. Дѣйствительность властвуетъ безраздѣльно только надъ дикарями. Культурный человѣкъ ее измѣняетъ и преображаетъ. Мѣста смерти, мѣста, недоступныя для поселенія, онъ дѣлаетъ населенными и плодородными, осушаетъ болота, заставляетъ отступить воды океана. Онъ измѣняетъ самый

климатъ. Идеи творятъ дѣйствительность въ той же мѣрѣ, какъ и сотворены ею.

И ужъ совсѣмъ неправильно утвержденіе, что разумъ служитъ волѣ; гораздо правильнѣе сказать, что онъ создаетъ ее. Подъ волей нельзя понимать порывъ, подобный рефлексу. Человѣкъ, подчиненный ему, достоинъ назваться безвольнымъ и слабымъ. Воля родится изъ внутренняго напряженія, изъ обузданія непосредственно дѣйствующихъ инстинктовъ, отъ страсти, окованной мыслью. Не въ тѣ минуты мы сознаемъ себя особенно активными, когда наше сознаніе разсѣивается, и мы вступаемъ въ сумерки мысли, а въ тѣ минуты, когда наше сознаніе напрягается, когда ясность его достигаетъ высшихъ предѣловъ, когда въ немъ отчетливость почти математическая, когда мысль быстра и мѣтка, какъ стрѣла, не могущая минуть цѣли.

Платонъ, изображая блаженную жизнь человѣка, видитъ его вознесеннымъ къ сонму боговъ, ставшимъ причастнымъ ихъ божественнаго хоровода. Человѣкъ тогда совершаетъ обходъ истинно-сущаго, онъ зритъ царство идей, самое справедливость, самое красоту.

Такова жизнь боговъ,—говоритъ Платонъ. Едва ли мы въ состояніи возразить что-либо по существу.

Нынѣ союзный флотъ осаждаетъ Босфоръ и Дарданеллы и, быть можетъ, недалеко то время, когда надъ храмомъ св. Софіи возсіяетъ снова крестъ. Въ мистическомъ смыслѣ храмъ св. Софіи существуетъ во вѣки вѣковъ, въ вѣчности, но мы должны позаботиться, чтобы въ нашихъ собственныхъ душахъ созидалась и множилась мудрость, чтобы мы сами стали мудрыми, чтобы мы видѣли и знали, чтобы зрячими, не слѣпыми встрѣтили тотъ свѣтъ, которое несетъ намъ будущее.

